

Ксения Суханова

# Со всех лап



Приключения  
немецкой овчарки  
Рады



Ксения Суханова

**Со всех лап**

«Издание книг ком»

2020

УДК 821.161.1(093.3)(092)  
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

**Суханова К. С.**

Со всех лап / К. С. Суханова — «Издание книг ком», 2020

ISBN 978-5-907250-49-9

Никогда бы не подумала, что кража лопаты из дачного сарая может стать радостным событием. Именно оно вывело первые буквы на чистых листах будущей книги, предопределив столь многое. Спустя несколько лет книжный формат оказался тесным для четвероногой затейницы Рады, и её жизнь превратилась в настоящее кино. Однако самыми дорогими сердцу всё так же были именно простые моменты обыкновенного счастья. На контрасте с невероятными приключениями оно чувствовалось только сильнее. В этой книге есть всё – самоирония и неидеальные герои, домашний уют и драйв молодости, верная дружба и острые конфликты, любовь и потери, неудержимый хохот и смех сквозь слёзы, захватывающие повороты событий и даже... мистика. Кроме того, книга придётся по душе всем любителям романтики «нулевых». Основано на реальных событиях. Имена некоторых героев изменены. Любые совпадения случайны.

УДК 821.161.1(093.3)(092)  
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-907250-49-9

© Суханова К. С., 2020  
© Издание книг ком, 2020

## Содержание

Со всех лап	7
Аса	10
Выбор или судьба?	14
Простые ноты счастья	17
Трудный возраст	20
Страсти в бочке меда	25
Непрозрачный хомяк	26
Особенности национальной дрессировки	28
ЗКС – Злая Кусачая Собака	32
Культура так и прет	36
Собако-Барбара, или Маленький рассказ о большой любви	38
Ну, точно будешь кинологом!	40
Что общего между злоумышленником и африканским вождем	43
Как черный кот до греха довел	44
У страха глаза велики	46
Незаурядность одного отдельно взятого переезда	48
Мои сверхновые	50
Несостоявшаяся секта	51
Поза ласточки и летающие челюсти	53
«Вот что значит овчарка!»	54
Иногда и в нормальной семье рождается кинолог	57
ОтЧАЙный сервиз	59
Цель – такая цель	61
Собака под партой	63
Кот-диабетик, или Продай дом – вылечи киску!	64
Конец ознакомительного фрагмента.	65

# Ксения Суханова

## Со всех лап

*Посвящается Раде – собаке, которая сделала из меня человека*



Дорогие друзья!

Вы держите в руках интересную и довольно необычную книгу.

И что в ней необычного, спросите вы? Сколько историй уже написано о кошках, собаках и их хозяевах.

Вечные темы под пером Ксении становятся свежими и непохожими на всё остальное. И дело даже не в самобытном авторском стиле. Хотя Ксения, безусловно, рассказывает увлекательно даже о самых простых событиях, заботливо складывая их в копилку воспоминаний наравне с уморительными, подчас невероятными выходками её четвероногих друзей.

Но мы говорим о другом. Что может оторвать современного человека от пролистывания ленты в своём гаджете? Сейчас, в период бурного развития интернета и электронных изданий? Конечно, билет – билет в необыкновенное путешествие!

Книга Ксении и есть тот самый билет. Вы не просто послушаете интересные, захватывающие дух истории из уст автора – вы непременно станете их участником и переживёте каждый

миг с героями книги. Вас ждут удивительные приключения, большой и не всегда простой путь. Но на нем с вами всегда будут смелая верная собака и добрый сообразительный кот.

Неправильно будет назвать эту книгу всецело книгой о животных. Она и о людях тоже и написана с большой любовью и к тем, и к другим.

С Ксенией мы впервые встретились летом 2019 года на фестивале домашних животных. Уже тогда ее рассказы, зачитанные со сцены, обратили на себя внимание. Отточенность повествования, оригинальные сравнения, интересный сюжет. Книга написана с юмором, живым языком и читается очень легко. Я искренне рад, что теперь и вы сможете познакомиться с ней.

*Николай Дроздов*

Никогда бы не подумала, что кража лопаты из дачного сарая может стать радостным событием, способным предопределить столь многое. Тогда мы отделались лишь некоторым испугом и, собственно, потерей самой лопаты. Но именно в студеную ночь 26 сентября 2004 года где-то свыше было решено: наша жизнь должна навсегда измениться.

## Со всех лап

Прямо на меня, пытая, на всех парах неслась мужская рубашка. Ее накрахмаленные рукава беспорядочно развевались, будто пытаюсь в панике хоть за что-то зацепиться. Но было уже поздно – какая-то неведомая, неукротимая сила крутила рубашку волчком, заставляя выписывать в воздухе невиданные пируэты. Вдруг рубашка совсем взбеленилась – зарычала, а затем и звонко залаяла. Наконец из-под нее по полу потекла желтая струйка, и довольное «ня!» огласило квартиру. Моя собака, которая еще вчера виделась далекой мечтой, бросилась мне на руки, оставляя рубашку мокнуть в свежей лужице. Наше знакомство длилось всего несколько минут, но по ощущениям – всю жизнь. А может, так оно и было?

...О собаке, а точнее, о немецкой овчарке, я мечтала очень давно. В тринадцать лет даже казалось, что как минимум целую вечность. Эта порода олицетворяла не столько «легендарный ум, силу и преданность», воспетые в книгах, сколько собаку вообще. Собаку с большой буквы. Немецкая овчарка как синоним собаки. Мама лелеяла мечту той же породы, и ее воображаемая овчарка всю готовилась отмечать юбилей 30 лет.

Бабушка же с непоколебимым упорством не разделяла наших чаяний.

Месяцы тончайшей дипломатии с редкими вкраплениями шантажа. Полностью иссякший запас неопровержимых аргументов. Наша кампания не приносила ровно никаких результатов... пока на дачу среди ночи не влезли воры.

«В чем дело, господа?!» – рывкнула бабушка из темноты, да так, что двух здоровых мужчин сдуло с нашего окна, как комаров сквозняком. Воры успели унести только ноги да лопату из сарая, который сиротливо высился на пути отступления. Ребята, конечно, заблудшие, но я до сих пор желаю каждому здоровья, мешок денег и десять жен в придачу. Ведь добро на собаку мы с мамой получили буквально в ту же минуту. А ровно неделю спустя в этот мир пришла и наша будущая собака.

Дверь открыла невысокая худощавая женщина с толстой пшеничной косой почти в половину ее роста. Светлане было около сорока. В ее глазах читалась живая заинтересованность вперемежку с грустной усталостью. Едва женщина прекращала улыбаться, как стремительно набегавшая грусть тучей затеняла ее лицо, а в глазах гасло небо. Светлана попросила подождать секундочку, пока она спрячет щенка в кухню подальше от уличной обуви. Я успела заметить ее широкую улыбку, обращенную к щенку, пока еще скрытому от нас стеной коридора. Улыбка снова на миг осветила лицо теплым мягким светом, и даже пшеничная коса будто засверкала. Светлана напоминала летний ветреный день, когда тени от туч скользят по полям, сменяя друг друга и лишь иногда открывая солнце.

Из кухни донеслись звуки возни, шарканье, топот, шуршание, скрип миски о пол и, наконец, звонкое задорное «ня!». Я сбросила ботинки, даже не развязав шнурков, и с разбегу впрыгнула в домашние тапочки, перепутав правый и левый. Мы с мамой, переглянувшись и сделав глубокий вдох, проследовали в сторону кухни. То была последняя секунда той, старой жизни. Секунда, которая казалась гораздо длиннее, чем все предыдущие годы.

Едва завернув за угол прихожей, я замерла: на меня смотрело Чудо. Жаркий всполох обжег грудь изнутри; я стояла, не в силах пошевелиться и совершенно забыв дышать. Светлана держала Чудо под толстые передние лапы, в то время как задние стояли на полу. На голове Чуда красовался высокий домик из ушей. Чудо также неотрывно, но вместе с тем и чуть строго смотрело на нас с мамой большими бусинами карих глаз, забыв про возню на кухне. Стоп-кадр из какого-то фантастического фильма, не иначе!

В квартире воцарилась тишина. Но уже не та тишина, какая была пару месяцев назад в питомнике бедной Асы – тогда осенний воздух сотрясался от лая десятков собак, а в моей

душе было глухо. Сейчас же в абсолютной тишине квартиры мой внутренний голос не то что говорил, а просто горланил, как лихой казак, заглушая даже стук сердца: «Это она! Она! **Моя** собака! Моя Рада!»

Рада начала вырываться из рук, и Светлана опустила ее на пол. Две секунды – и мы вместе. Трудно назвать нашу встречу знакомством – мне казалось, что я знаю Раду всю жизнь. Просто воссоединились мы именно в тот день. Только сейчас мне стало ясно: мои просьбы о собаке не имели ничего общего с какой-то гипотетической собакой. Да, это я скучала по Раде – своей подруге, которую знала всегда, – и ждала нашего воссоединения.

Я смотрела на Раду и не могла поверить. Это же она – та, которую я видела в стольких снах; та, которую каждый день представляла себе. У нас уже было столько общих приключений! Неважно, что пока всего лишь в моей голове. Сказал бы мне кто-нибудь, сколько еще впереди!

Я проснулась. Проснулась для настоящей жизни. Обнулила прошлое. Доброе утро, расцвет новой реальности. Еще немного сонная, пытаюсь осознать, сон это или явь.

Так мы и сидели посреди кухни – новая я и моя старая знакомая Рада. И маленькая тесная кухня, и весь остальной мир в те секунды будто кружились вокруг нас.

Светлане тяжело давалось расставание с Радкой. Она успела привязаться к этой маленькой затейнице, которая виртуозно включала свет на Светланином лице. Но Рада уже сошла с ее орбиты. Она тоже давно нас ждала, и это было видно невооруженным глазом.

Наконец наша компания переместилась в гостиную. Светлана порылась в шкафу, и перед нами предстали фотографии и награды Радкиных родителей. Сейчас я бы посмотрела их с огромным интересом, но тогда... Светлана подкладывала все новые и новые папки, а я, зажав в руке один из дипломов Радкиной матери и приговаривая: «Очень красивый портрет», завороченно глядела на Раду – **мою** собаку. Мне очень нравилось, что она не просто бесится, а придумывает одну веселую затею за другой. На коленях тем временем высилась уже целая гора документов и фотографий. Мама, заметив, что дочь кивает и комментирует чисто машинально, экстренно перетащила гору на свою сторону.

Не успели мы произнести вслух, что Радки давно не видно, как что-то зловеще скрипнуло, вслед за чем послышалось еще более зловещее оханье и шелест надеваемых тапочек. Из соседней комнаты вылетела мужская рубашка и бросилась вперед по коридору. Мы присмотрелись: нет, даже целых две рубашки! – и покатались со смеху, когда из-под них, гордо выпятив угловатую щенячью грудь, показалась Радка. Наступая на накрахмаленные воротнички и манжеты, которые тормозили ее победоносное движение, она все же явно опережала мужа Светланы, выскочившего из комнаты в одном тапочке. На финише Радка еще как следует поборолась со Светланой за рубашки, изрядно помяв их в процессе вытягивания из рук хозяйки. Впрочем, оставленная без занятия, Рада недолго скучала. Скоро она уже доставала из открытой ею дверцы шкафа пачку печенья для щенков, которое мы привезли с собой. Раду совершенно не смутило, что печенье лежало на большой высоте и по всем законам физики было ей недоступно. Она пиновала от души – тут уж не до точных наук.

Муж Светланы молча, с раздраженным видом поднял рубашки и, скомкав, снова бросил на пол в ванной. В его присутствии сразу все притихли: не только Радка, но и мы с мамой, и Светлана. Почему-то невозможно было даже отхлебнуть чая из чашки, пока он не скрылся в коридоре. А ведь это именно он подвозил нас с автобусной остановки и с большим удовольствием занимал интересными разговорами о своих прежних собаках.

Светлана первая нарушила тяжелую тишину.

– Ну как, Оксан, будешь с собакой заниматься? Я бы ее себе оставила, но никакой возможности... вообще никакой. Так что теперь это твоя ответственность.

Светлана называла меня исключительно Оксаной, а я не считала нужным исправлять ее. Кроме щенка ничто не имело значения. В тот момент я была бы не против, даже если бы



меня называли Изольдой или Крармией. Зато имя Рада нам с мамой понравилось, и мы не собирались его менять. Очень уж символичное. Кстати, одно из его значений – «сильный ветер, вихрь».

Светлана чуть придвинулась ко мне, задев локтем ложку в чашке, и продолжила:

– Радку бы на выставки поводить, а еще в спорте она, думаю, очень хорошо бы себя проявила.

– Ой, да мы для себя берем... – затанула я как-то испуганно.

Светлана пристально и будто с обидой посмотрела на меня:

– Такую собаку нельзя скрывать от мира. Это будет преступлением.

Я улыбалась, а сама думала: да я же создана для того, чтобы просто любить свою собаку! Зачем нам выставки и тем более соревнования? Так, для себя воспитаю, чтобы слушалась, защищала, ну и, конечно, выполняла команды вроде «Голос!» и «Дай лапу!». Больше ничего для счастья и не надо.

– Ну на выставку хоть раз ты ее сводишь?! – Светлана выдернула меня из мятежных дум.

– Да, хорошо... – промямила я. А сама подумала: «Ладно, выставки – так и быть. Один раз. Но соревнования – никогда!»

Жизнь в этот момент буквально поперхнулась даже не самой фразой, а ее безапелляционностью. Нет, жизнь не злопамятна, но память у нее хорошая.

Сейчас я понимаю, что Светлане стоило многих сил доверить нам эту собаку. И, возможно, она подыскала бы более убедительную кандидатуру на владение перспективным щенком. Но не было бы счастья, да несчастье помогло. Семейные обстоятельства Светланы не оставляли ей простора для выбора. А может, она все-таки увидела в нас что-то, о чем еще не подозревали мы сами?..

Спустя неделю машина Светланы затормозила перед нашей станцией метро. Я вышла на проезжую часть и сразу же по щиколотку провалилась в снежную жижу – впрочем, совершенно этого не заметив. Даже если бы в тот день прошел ураган, он остался бы без внимания.

– Ну, всего вам! В добрый путь! – Светлана прикрывала нахлынувшую грусть искренней радостью за нас и собаку, а беспокойство – трогательно-неуместной суетой.

– Спасибо вам огромное! Я вас услышала.

С этими словами я зашагала, все также по щиколотку в воде, в сторону дома. На руках я держала десять килограммов ушастого, удивленного счастья. Каждый шаг давался непросто, но я категорически не отдавала свою ношу маме, несмотря на то, что Радины задние лапы уже смешно свисали вниз, как у игрушечного зайца. Увязая в снежной жиже под тяжестью щенка, я шла вперед походкой астронавта. А все вокруг – космос, не иначе. И в нем теперь горела моя яркая путеводная звезда. Рада.

Сейчас пора рассказать, кто такая Аса и почему мы смогли забрать Радку домой только через неделю после нашей первой встречи.

## Аса

Отвратительное ноябрьское утро. Сложно даже представить хуже. Пронизывающий порывистый ветер безжалостно срывал с деревьев последние листья, которыми те стыдливо прикрывались. Морозящий дождь разошелся, превратившись в серый ливень; ему, казалось, самому было противно идти в такую погоду. Холод, слякоть... и такси с включенными на полную мощность дворниками. Будто в панике сметая воду, они с отвратительным звуком царапали стекло, заглушая даже скребущих на душе кошек. Лучший в той ситуации вариант – остаться дома – мы проигнорировали в угоду намеченным планам. И это в итоге стоило нам больших денег и, что намного страшнее, больших переживаний. Но, как можно судить по прошествии лет, без того нашпигованного ошибками дня, скорее всего, я не встретила бы с Радой. А с Радой мы должны были встретиться непременно.

Ехали мы за долгожданным щенком немецкой овчарки в частный питомник за пятьдесят с лишним километров от Москвы по Волоколамскому шоссе. Покинув трассу, мы долго плутали среди почерневших от дождя, покосившихся деревянных домов, пока, наконец, машина не повернула на гравийную дорожку. Шелестящая под колесами дорожка оканчивалась массивными воротами. За ними возвышался не так давно, по всей видимости, построенный особняк.

Волнующего предвкушения в наших рядах особо не наблюдалось. Мы молча смотрели на высоченный забор и внушительную домину за ним. Перед тем как нажать кнопку звонка, мама обернулась с многозначительным взглядом. Ей особенно не понравилось место, куда мы приехали. Но мой и бабушкин ободряющие кивки заставили сомневающуюся маму нажать-таки на кнопку.

Довольно долго мы ждали появления заводчицы, слушая лай многочисленных собак за забором. Решив, что в новом доме звонок еще не работает, постучали в ворота.

За этим также ничего не последовало. Тогда мама приоткрыла оказавшуюся незапертой калитку. В паре метров от забора с длинной спутанной цепи на нас бросался огромный кавказец с висящей клоками грязной шерстью. Мама обследовала глазами участок и поскорей захлопнула калитку.

– Там только какие-то рабочие ходят, – развела руками она. – Может, поедем, а?

Мама смотрела на нас с бабушкой пристально и даже с каким-то отчаянием, то и дело ежась при порывах ветра.

– Наташ, ну не зря же ехали столько, хотя бы посмотрим, – возразила бабушка.

Мама не успела ничего ответить, потому что из калитки явилась ухоженная, деловитая дамочка. Представившись Анжелой, она, цокая каблучками с налетом собачьих фекалий, повела нас навстречу нашему счастью.

«Счастье» это выглядело весьма убого. Пара непрезентабельных вольеров с щенками, один большой открытый вольер, в котором крутилось порядка десятка взрослых немцев – кобели и суки, в том числе течные, и вольер с очаровательным подросшим щенком кавказской овчарки.

– Мы пока строимся, поэтому некоторый беспорядок, приносим извинения, – натянуто улыбнулась Анжела и похлопала в ладоши.

Из будки в одном из вольеров выбрались три щенка немецкой овчарки – два черных и чепрачный. Последний невозмутимо сделал в углу лужу и отправился обратно в будку. Черненькие бросили на нас короткий любопытный взгляд и последовали за ним. Все это не произвело на меня никакого впечатления. Мы втроем стояли и молчали, слушая, как ветер свистит через решетку вольеров.

Анжела еще раз похлопала в ладоши – на этот раз громче и нетерпеливее. Щенки вывалились из будки и потопали к сетке с таким видом, будто шли на нелюбимую работу. Мы также подошли поближе. Увидев незнакомые лица, малыши с ленивым интересом просунули носишки между прутьями; один из черненьких приветливо встал на прутья передними лапами. Со второго взгляда чепрачная девочка понравилась мне больше, и мы попросили вытащить ее из клетки. На моих руках оказалось маленькое худое создание с пока еще висячими ушами и грустным взглядом детских глаз. Собачка повиляла хвостиком и сделала попытку изучить мое лицо. По большому счету, все происходящее ее также не слишком впечатляло. В соседнем же вольере тот самый щенок кавказца пытался обратить на себя наше внимание, цепляясь за прутья и стараясь перевеситься через борта, виляя хвостом и возбужденно присвистывая.

– Почему не хотите взять кавказца или кого-нибудь из черных щенков? – участливо осведомилась Анжела.

– Нет, мы давно хотели именно чепрачного немца, да и кот у нас черный – куда нам столько черного? – ответила мама, поглаживая чепрачную девочку, которая все так же тихо сидела у меня на руках.

– А больше у вас таких немцев нет? – спросила бабушка.

– Есть в доме, но они с документами и стоят шестьсот долларов. Будете смотреть?

Мы несколько секунд колебались – цена была достаточно высокой, а нас тогда устраивала собака без документов. Мы ведь брали собаку «для ду-уш-и-и-и» – какие уж там бумажки! Тем временем у меня на руках уже сидела собака, и мы не смогли отдать ее обратно в вольер. Скорее всего, подсознательно мы жалели малышку, а сознанию казалось, что хотим купить именно ее.

– Славненькая... – бабушка погладила мягкие висячие ушки. Мама тоже провела рукой по мордочке, но ее взлелеянная мечта о немецкой овчарке выглядела как-то по-другому.

Однако мы заплатили шесть тысяч и выслушали монолог Анжелы о том, как адаптировать щенка дома. Она любезно назвала прививки, сделанные щенку, пообещав оформить и позже передать нам ветпаспорт.

Проводя в памяти экскурс в прошлое, я диву даюсь, какими фееричными лохами мы были. Вся ноябрьская история от начала и до конца – одно подтверждение этому. Но, надо сказать, что раньше собак у нас не было и мы не знали практически ничего об этой кухне. В отсутствие интернета объявление в газете мы приняли с полным доверием, а зарубежная книжка, приобретенная в зоомагазине накануне, вряд ли могла бы выручить. У нас в то время отсутствовала не только психология собаководов, но также маломальские опыт и внутреннее чутье. И куда уж зарубежной книжке до наших суровых российских реалий.

Мы, изображая из себя счастливых новоиспеченных владельцев собаки, сели в машину. По дороге решили назвать щенка Асой – в честь овчарки бабушкиного детства. Аса тихонько лежала на расстеленном для нее покрывальце и забавно бурчала, будто убаюкивая себя. Я думала: приедем домой – и тогда уж точно почувствуем Его – счастье. Но нет. Все это время на заднем плане звучала муторная мрачная мелодия, которая дома стала только отчетливее.

Приехав домой, Аса удивилась произошедшей метаморфозе. Но стоило ей увидеть в моих руках пакетик еды, удивление моментально испарилось, сменившись остервенелым желанием насытиться. В питомнике не утруждались вдоволь накормить беднягу, что отражалось не только на аппетите, но и на телосложении.

После еды Аса легла на свою подстилку и снова принялась бурчать, убаюкивая себя. Едва в жизни начало воцаряться подобие гармонии, как Аса вдруг встала, покрутилась и выдала огромную зловонную лужу поноса. В ту же секунду я поняла, что ее дела плохи.

Последующая неделя прошла под знаком бесконечных часов в ветеринарной клинике, капельниц и уколов. Диагноз Асе поставили сразу: парвовирусный энтерит – тяжелейшее воспаление тонкой кишки, которое в подавляющем большинстве случаев заканчивается летальным исходом и выкашивает подчас целые питомники. Для худой и слабенькой Асы эта схватка

была совсем неравная. Врачи предлагали либо сразу усыпить собаку либо начать лечение без каких-либо прогнозов.

Мы решили сделать все, что в наших силах, и выбрали второе. Несколько дней подряд мы с мамой по очереди высиживали с Асой по несколько часов, пока та проходила терапию на капельнице. Особых улучшений не наступало, наши деньги верно перекачивались в бюджет клиники, но иначе поступить мы не могли.

В той же комнате к батарее был привязан огромный пациент-алабай по кличке Тарас, встречавший всякого заходящего утробным медвежьим рыком и угрозой вырвать батарею из стены. Однако пару дней внимательно понаблюдав за нашими страданиями, он будто проникся к нам уважением и позволял беспрепятственно проходить мимо своей персоны.

Все положенные часы Аса тихо спала, лишь иногда поднимая голову и будто проверяя, не стало ли ей лучше. В этот момент начинался очередной приступ рвоты. Аса выгибалась, а нам ничего не оставалось – только гладить ее и следить за тем, чтобы не оторвалась капельница.

Дома мы с помощью шприца вливали еду и воду изможденному, но все еще ощутимо сопротивляющемуся щенку. Вечером четвертого дня мама принесла домой корзинку с Асой и расплакалась. Она просидела в ветклинике целый день, пока я была в школе. Аса глубоко спала; ее бочка неровно вздымалась. Мы не смогли ничего сделать.

На пятый день под влиянием врачей мы все-таки приняли тяжелое решение. Но пока я ехала в клинику, где в это время дежурила мама, Аса умерла сама. Я медленно подошла к маленькому тельцу, около которого как-то жутко лежал уже ненужный катетер.

– Теперь энтериту не достать тебя, – тихо сказала я, проводя рукой по знакомой шерстке и поднимая глаза к потолку, чтобы слезы закатились обратно.

Из клиники мы вышли с двойственным чувством. Помимо муторной горечи чувствовалось и какое-то подобие облегчения. Мы не успели полюбить эту собаку и с первого дня запретили себе делать это, зная, чем все, скорее всего, закончится; мы даже не знали ее истинного характера, забитого болезнью. Но все же она не могла не занять своего места в сердце. Ужасно жаль было маленькую жизнь, которая могла бы стать большой и счастливой.

На лечение мы потратили внушительную сумму, так что в итоге получились те самые шестьсот долларов. Но жалели мы не о деньгах, а о том, что нас так цинично обманули. Бабушка тезисно высказала отпиравшейся Анжеле по телефону свое «фе», но та положила трубку, бросив напоследок, что продала нам совершенно здорового щенка. Мы, в свою очередь, горестно вздохнули: всех тех щенков, которых мы видели в ее питомнике, уже тоже, вероятно, не было в живых.

Мы не стали бороться за свои деньги с ветряной мельницей по имени Анжела – решили, что этот случай лучше принять как горький опыт и в будущем учесть свои ошибки. Обычно мошенникам, подобным Анжеле, везет на такие решения их жертв.

По совету ветеринара мы выкинули все предметы Асиного обихода, несколько раз обработали квартиру ультрафиолетовой лампой и вымыли каждый угол хлорамином. Вирус энтерита может жить в квартире до года, но ветеринар дала нам добро на нового щенка и крепкую веру в лучшее:

– Вы все замечательно обработали, так что подождите месяц – и вперед. Бомба в одну воронку дважды не падает!

Как бы там ни было, я никак не могу причислить этот случай к бессмысленным. Беспощадным – да, но история с Асой выступила своеобразной прививкой на будущее, а сама Аса придержала наших коней и позволила мне дожидаться именно свою собаку. Понять, как должно быть.

Я признательна ей, что она приходила в нашу жизнь, хоть и не была Нашей Собакой. Взамен мы дали ей узнать, пусть и на короткий миг, что такое забота и душевная теплота. Но горечь за собаку, которую язык не повернется назвать первой, не проходит с годами.

Надеюсь, хотя бы там, за радугой, Аса побегала по зеленой травке за мячиком, искупалась в речке и повалялась в песке – сделала то, что положено каждой собаке.

Эта история очень нас подкосила и сбила с панталыку. Казалось, вот она, мечта – сбылась! Но на деле мы еще глубже, словно с трамплина, ухнулись в неизвестность. А ведь Наша Собака уже ждала нас. В итоге выяснилось, что сбить с панталыку и сбить с пути – разные вещи. Разница – только в вашей вере.

## Выбор или судьба?

Серое промозглое утро 11 декабря 2004 года не предвещало ровно никаких эпохальных событий. В тусклом свете из окна комната казалась нарисованной карандашом. На улице было так промозгло, что батареи не справлялись, и во время завтрака бабушка оставила гореть синие-желтые цветки газа в конфорках.

Однако, как показала практика, изменить жизнь способны не только теплые солнечные деньки, но и такие вот 11 декабря, когда в мокрый снег и пронизывающий ветер приходится вытаскивать себя из дома и ехать на дачу. Позвонили соседи и сообщили, что из-за мокрого снега с дома сорвало водосток.

Уже смеркалось, когда мы с мамой и бабушкой наконец уложили в сарай садовый инвентарь, которому теперь предстоял заслуженный отдых. Плеснув на руки ледяной воды и бросив оценивающий взгляд на плоды наших трудов, мы отправились на автобусную остановку. Автобус не изменил своим привычкам и пришел минут на сорок позже. Наконец, согревшись и задремав в автобусе, я уже подносила к губам чашку горячего чая и готовилась смачно отхлебнуть. Именно в этот момент ко мне повернулась мама, прервавшая сладостную дрему: «До электрички полчаса, пойдем посмотрим, может, кто с овчарками будет стоять». Я было хотела возразить, но как-то не получилось. Потоки серой воды делали неразличимыми картинки за окном – хоть на овчарок посмотрим, раз с пейзажами не вышло.

Спешащие люди в огромных разноцветных дождевиках заполняли весь проулок, словно грибы, сбежавшие из корзинки одной из здешних бабулек. Последних и сейчас теснилось множество – с энтузиазмом, переходящим в ярость, они пристраивали остатки даров природы. Это был тот волшебный проулок неподалеку от железнодорожной станции, в котором летом и ранней осенью стояли женщины со щенками немецкой овчарки. Щенки по большей части выглядели утомленными и не отличались особой красотой, но – чтобы минутку помедитировать и помечтать – самое то. К нашему разочарованию, сейчас в проулке овчарок не обнаружилось. Но внутренний голос, не заглушаемый даже надрывными криками бабулек, подсказывал, что должно быть по-другому. «Ищи, ищи!» – твердил он. Мы все еще шли вперед, рассеянно оглядывая толпу, когда заметили одиноко застывшую в ряду бабулек женщину. Она выглядела странно: молча притулилась у забора безо всяких корзинок, при этом ее дрожащая на ветру фигура выражала самоотверженное ожидание. Встретившись с нами глазами, она буквально вцепилась взглядом в меня и маму. Совершенно случайно мы заметили у нее за пазухой маленький черный дрожащий носишко.

Почувствовав кого-то рядом, носишко заходил ходуном и начал вытягиваться вперед. Спустя пару секунд через молнию куртки перевесился крохотный щеночек таксы и замахал лапками. Казалось, эта парочка дожидалась именно нас. Поздоровавшись с женщиной, мы несколько виновато погладили малыша. Но на дороге к нашей мечте сворачивать в сторону было уже нельзя.

– Мы хотим завести немецкую овчарку... Никто из ваших знакомых щенков не предлагает? – мама вдруг напряглась и пристально посмотрела на женщину.

Я тоже замерла в ожидании ответа. На лице женщины промелькнуло разочарование, но она мужественно произнесла:

– У меня хорошая подруга заводчица, у нее остался один щенок на продажу. По семейным обстоятельствам пристраивает в ближайшее время. Только этот щенок клубный, выставочный, а значит, дороже.

– А какого пола щенок? И возраст? – мама аж приподнялась на цыпочках.

– Девочка, два месяца, – женщина привычным жестом заправила дрожащий носишко вглубь куртки.

Сейчас это просто три слова на бумаге. Но тогда – одни из самых важных слов в моей жизни. И даже спустя много лет. Хотя, на первый взгляд, в них, как и в окружающей нас картине, не было ничего действительно многообещающего.

Но именно эти слова каким-то неведомым образом сообщили: «Это она! Она! Моя собака! Мы нашли ее! Наконец-то!»

Дома, едва поставив сумки, мама набрала номер заводчицы – Светланы. Я села на краешек дивана и принялась пожирать глазами узор на обоях. Бабушка обреченно кормила заждавшегося нас кота.

Светлана была дома и, к моему счастью, назначила смотрины на завтра. Мама выпрашивала у нее подробности о щенке, рисуя на листочке бумаги ромбики-квадратики и причудливые завитушки. Я, переместившись еще ближе к краешку дивана, нацелилась на коридорные обои, ведь в комнате все уже были съедены глазами.

«Хорошо, завтра в десять утра на МКАДе у моста». Мама положила трубку.

– Ее зовут Рада.

Был сделан еще один маленький шаг навстречу мечте.

На момент нашей первой встречи у Рады не хватало одной прививки, так что Светлана поставила условие: мы забираем Радку через неделю уже привитую, а за это время еще раз моем и просвечиваем ультрафиолетовой лампой квартиру. Прививку Светлана поставила в тот же день, чтобы прошел минимально достаточный карантин.

Эту неделю я не жила – ждала. Собеседникам поминутно приходилось возвращать меня к реальности, когда я вспоминала, как Радка смешно говорила «Ня-ня-ня!» и лизала мне нос на прощание.

В школьном дневнике появилось несколько замечаний. Я считала каждый час до встречи с «Ня-ня-ня» и после школы (в школе, честно говоря, тоже) ложилась спать при малейшей возможности. Так время шло быстрее. Даже после полчасового сна я с радостью заключала, что заветный момент стал еще ближе.

Иногда просыпалась в слезах – когда мне вдруг снилось, что Светлана передумала и отдала Радку каким-то другим людям. Но действительно – бомба в одну воронку дважды не падает. По крайней мере подряд. Светлана сдержала слово, несмотря на свои опасения, что у нас Рада окажется скрытой от мира. Отчасти я начала активно заниматься с Радкой именно в знак благодарности к Светлане за оказанное доверие.

Проснувшись утром такой долгожданной субботы, я не смела поверить своему счастью. Казалось, сейчас меня разбудят – и снова здравствуй, неделя ожиданий.

Наш визит проходил по предыдущему сценарию – Светланин муж встречал нас у моста на МКАДе, словно провожатый на лодке на другой берег реки. На другой берег реки жизни. Но если неделю назад мы плыли в неизвестность, то сейчас неслись за **нашей** собакой.

Мы позвонили в звонок, и за дверью послышался знакомый топоток.

В реальность происходящего я поверила лишь тогда, когда Радка бросилась мне на руки и принялась остервенело вылизывать нос и щеки. Периодически она останавливалась и заглядывала в мои счастливые глаза своими счастливыми глазами.

Это был последний раз в ее жизни, когда она не лаяла на шорохи за дверью и демонстрировала такие бурные нежности. Впоследствии Рада проявляла сдержанный характер, но в то утро не смогла справиться с эмоциями.

– Узнала вас еще по голосам, пока вы за дверью стояли, – сообщила Светлана, впрочем, как мне показалось, не без сожаления, ведь Радка уже стала совсем нашей собакой.

Верю ли я в судьбу? Верю. Так же как и в то, что за нами остается право выбора.

Для меня судьба – некое течение, которое не перейдешь вброд и не переплывешь. Оно знает о тебе все; вся твоя жизнь, прошлое и настоящее, все мысли и поступки отражаются в его

водах. Это течение прибывает к твоему берегу те выверенные свыше события, которые сейчас для чего-то необходимы. Для чего? Наверное, чтобы получить важные уроки, лучше узнать себя, изменить свою жизнь, принести что-то этому миру. А дальше – уже твоя ответственность, какой выбор делать внутри этих событий. Можно идти вдоль берега, можно пробовать ногой воду или бросаться в нее с разбегу, тонуть или нырять с головой, плыть по течению или грести веслами. Можно и убежать, но уже вскоре вернешься испить воды, глядя на свое отражение.

И даже 11 декабря 2004 года, когда к нашим берегам прибило искусно сделанную цепочку событий, мы были властны выкинуть ее обратно в неторопливое течение судьбы. Не поехать, не пойти. Или пойти, но не искать. Или найти, но не звонить. В конце концов, не брать того щенка (хотя это и было невозможно, ха-ха).

Но вместо этого я бросилась с разбегу в разбушевавшиеся волны жизненного течения с зажатой в руке милой моему сердцу цепочкой. Она и стала моим оберегом.



## Простые ноты счастья

Как звучит счастье? Для каждого по-разному. Нет в мире двух одинаковых людей – и нет двух одинаковых мелодий счастья. Но эта мелодия расскажет о человеке лучше любых слов.

Мои ноты, в общем, были обыкновенны. Голоса и смех любимых людей, шум моря и шум дождя, ночное пение соловьев над рекой и далекий лай собак. Шмяканье о землю яблок теплой августовской ночью и шелест шин велосипеда по грунтовой дороге меж стен спелой пшеницы. Утреннее шипение сковороды с бабушкиными блинами и царапанье кошачьих когтей о деревянный угол.

Но в какой-то момент в мелодии моей жизни появился припев. И начался он с трех нот: стука игрушечной хрюшки, шуршания пленки на полу и бесшумного, но такого звучного падения снега.

Рада знала, что приехала к себе домой. Прямо с порога она с беззастенчивым ускорением устремилась вглубь квартиры. Короткое шипение кота, похожее на шипение сковородки с блинами, сменилось характерным постукиванием сухого корма в миске. Так еще стучит дождь о подоконник. Пока я развязывала шнурки, то тут то там слышался быстрый мелкий топоток по линолеуму. На пару секунд он затих, после чего Рада вылетела в коридор, отчаянно мотая латексную игрушечную свинью, заготовленную нами накануне. Та громко ударяла Радку поочередно то по одному боку, то по другому, а собаке ничего другого и не нужно было.

Ну, разве что поесть. Рада никогда не скромничала, если в шаговой доступности имелось что-то съестное. Пока мы готовили еду, она либо грозила проглотить тебя вместе с миской, а потом еще попросить добавки, либо яростно царапалась в закрытую дверь кухни. Тоже мне овчарка из голодающего Поволжья! Эх, в том возрасте Раде точно не помешала бы миска-самобранка. Но, надо отдать должное, Рада ни разу в жизни не позволила себе зарычать на нас, когда мы трогали ее миску – например, чтобы добавить ей порцию.

Так Рада и стучала себе по бокам игрушечной хрюшкой до самой ночи с перерывами на пятиразовое питание, проходившее уже под яростный стук металлической миски о пол. Мне приходилось время от времени уходить в другую комнату – просто постоять минутку в темноте и перевести дух, иначе я бы точно задохнулась от счастья. Рада успевала соскучиться и бросалась мне на колени, когда поиски хозяйки заканчивались успехом. Я гладила ее угольно-черную спину и думала: как же мы прожили друг без друга целую неделю? А до этого – целую жизнь?

Ночью Рада заподозрила что-то неладное и принялась тереться перед закрытыми дверьми комнат, словно компания молодежи под окнами с включенным на всю мощность магнитофоном. Я вся сжималась от ее не то воя, не то плача. Самым большим моим желанием было впустить щенка в комнату, но бабушка настаивала на том, чтобы выдержать характер. Рада тихо-нечко посвистывала, перемещаясь от двери к двери, затем переходила на скулеж и заканчивала очередной круг, заходясь в протяжных жалобных стенаниях.

– Все, больше не могу, – я вскочила с кровати и принялась отчаянно нащупывать ногой в темноте тапочки.

Я так увлеклась, что даже не сразу осознала: что-то изменилось. Лишь Радин тяжелый вздох, когда она опустилась в свой лежак-пухлик, на секунду нарушил тишину. На этом история ночных бдений и закончилась. Но утром, чуть стоило открыть дверь, Рада с разбегу запрыгнула на кровать, прежде чем мы обе успели что-либо сообразить. Я поправляла истоптанную простыню, пока никто не засек, а Рады тем временем след простыл. За входной дверью зашебурились соседи. Квартира содрогнулась от басистого «Гав!».

Я вплотную приблизилась к Раде и медленно обошла ее со всех сторон. Просто невозможно было поверить, что щенок двух с половиной месяцев от роду способен издавать подоб-

ные звуки – все равно что младенец говорил бы голосом невыспавшегося стокилограммового амбала. Но Рада вдыхала полную грудь воздуха, несколько секунд собиралась и выдавала мощный, низкий, почти львиный звук. Лишь на пятом заходе она вдруг дала осечку. Квартиру огласило знакомое звонкое «Ня!», сгладившее когнитивный диссонанс. Но Рада моментально исправилась и снова гавкнула «как надо». Соседи затихли в лучших традициях партизан. Я даже не знаю, выбрались ли они до вечера из прихожей. А если и выбрались, то, скорее всего, по-пластунски.

Охранять квартиру Рада начала в первое же утро, хотя у Светланы не занималась этим от слова совсем. Берегла силы для своего дома – поэтому и голос такой.

Приходя из школы, я заставала дома заспанную Радку, которая проводила часы одиночества вполне прозаично. Но стоило мне лишь на пару секунд отвернуться, чтобы поставить тяжелый рюкзак, как Рада бросалась восстанавливать равновесие в природе. Прополоскав тряпку и возвращаясь в комнату я заставала две новые лужицы взамен вытертой. Пол в квартире, как выяснилось на практике, не отличался ровностью, так что мне приходилось очень быстро принимать решение, какую из двух лужиц вытирать первой. Из одной, которая поблескивает на северном склоне пола, струйка вот-вот затечет под диван, а из другой, на южном, – под шкаф. Я выбирала спасение дивана, но только брала низкий старт с мокрой, капающей тряпкой в сторону ванной, печально наблюдая потоп под шкафом, как наступала ногой в третью лужицу, которую Радка заботливо приготовила за моей спиной.

Наш кот Максим, или, по-домашнему, Маса, на ближайшие пару месяцев превратился в шипящий холмик под покрывалом кресла. Хотя Маса был черен как ночь, в его характере напрочь отсутствовали смелость и коварство. Их заменяли кротость и любовь к уюту, которые в летнюю пору сменялись дикой тягой к невероятным приключениям.

Сейчас же на дворе стоял декабрь, и Маса целыми днями копил силы для будущих приключений, периодически прерываемый Радиными сессиями юного натуралиста.

– Рада, лежать!

Рада резво укладывалась, шурша клеенкой. Этот шорох означал прежде всего выполнение команды. А также то, что у меня есть своя собственная собака, которую я сама научила новой команде. Космос, да и только.

Клеенка стала ноу-хау последней недели. Ее миссия состояла не только в защите мебели и пола от вездесущих лужиц, но и в том, чтобы я после школы все-таки первым делом обедала.

– Рада, сидеть!

Рада хитро смотрела на меня. Пленка не шуршала.

– Рада, сидеть!

Рада вдруг резко вскакивала и гордо принимала сыр, выпятив грудь. Высокий домик из ушей ходил ходуном, но всегда выстаивал. Пленка шуршала.

Я тогда не считала, с какого раза выполнена команда, если он не был уже пятым по счету. Главное, что нам было так хорошо вдвоем, и слышался шорох пленки, означавший, что есть движуха и прогресс.

По окончании удачной дрессировочной сессии мы начинали радостно скакать по этой самой пленке – сначала обе замирали с не в меру хитрыми лицами, а потом я одним прыжком перемещалась в произвольную сторону. Уже через секунду я обычно бывала настигнута. Шорох пленки достигал апогея. Этот звук и по сей день один из самых счастливых в моей жизни.

А затем первые прогулки. Первый, с опаской, заход в лифт. Первая лужица на улице – только спустя три дня, а до этого Рада старательно несла все свое богатство домой. И вот ты

смотришь, как по снегу расплывается желтый круг, – и такая гордость берет! Если это смогли одолеть, значит, нам все под силу!

В конце прогулки мы отворили скрипучую деревянную калитку, висящую на одной петле, и вошли на стадион – культовое место нашего района. Днем для футболистов, а вечером – для собачников. Главное – соблюдение негласных законов с обеих сторон.

Снега намело Раде по колено. Первый нормальный снег той зимы. Радка удивленно озиралась по сторонам, но все же пробовала его на вкус – нельзя совсем уж пропадать дарам природы.

В полной тишине снег падал огромными косматыми хлопьями. Лишь изредка было слышно, как Радка ловит пастью снежинку, показавшуюся наиболее аппетитной. Фонари стояли, словно желтые садовые ромашки, которые снегопад застал врасплох еще цветущими на клумбе. И вот они окоченели – ни доцвести, ни осыпаться.

Я запрокинула голову – с шапки свалился небольшой сугробик. Снежинки одна за другой таяли на моих покрасневших щеках. Секунда – и я лечу! Все, кто когда-либо смотрел вверх в снегопад, знают этот эффект. Но только те, у кого когда-либо был щенок, знают, что в тот момент я летела по-настоящему. Ведь если сбылась такая мечта, как собственная собака, то летать-то я смогу и подавно.

## Трудный возраст

Радио детство прошло в лучших традициях детства девяностых. Большие дружные компании, самобытные личности, гениальные в своей простоте игры. Это сейчас мы уединяемся и бросаем собаке какую-нибудь навороченную заморскую игрушку со странным названием, краем глаза поглядывая, чтобы никто к нам грешным делом не приблизился. Здороваемся, кивая или махая рукой издали. Собаки – и те виляют друг другу хвостами с почтительного расстояния. Или сидим с собакой на лавочке, а маленький экран телефона, на котором вереницей проходят квадратики фотографий собак, полностью заслоняет большую картину мира вокруг. Тренажерные залы заменяют прогулки. Новая реальность не щадит ни людей, ни собак – жизнь тех и других меняется все быстрее с каждым годом.

Только кошкам, похоже, все равно. Сначала воротили нос от серой колбасы, потом от подушечек с паштетом, а сейчас – от суфле из индейки в сливочном соусе с хрустящим топпингом, черт его возьми. Постоянство на грани фантастики.

Шел 2005 год, но, несмотря на это, Рада успела застать расцвет собаководства в нашем районе. Коммунизм уже безвозвратно испарился из всех прочих сфер жизни, но в собачьей среде он продержался дольше всего и исчез только через пару лет.

Но пока на каждую прогулку мы, задыхаясь от чарующей новизны, бежали как дети на деревенский праздник. Особенно нетерпеливо мы с мамой считали часы до вечерних прогулок, ведь они были самыми интересными, почти священными.

– Ничего себе, летучая мышь! – с такими словами Радке впервые отворили калитку стадиона местные завсегдатаи.

Действительно, к четырем месяцам она начала стремительно вытягиваться, превращаясь из милейшего пупса в долговязого угловатого подростка. Особенно старались уши. В требуемое по стандарту положение они поднялись вскоре после того, как Рада переехала к нам. Но вот их восхитительная несоразмерность телу стала на ближайшие пару-тройку месяцев объектом повального доброжелательного подтрунивания.

Наш лексикон пополнился странными именами собственными: Моллин дядя, Греева тетя, Нордин парень. Ведь собак по именам мы узнали раньше, чем хозяев.

У Рады появилось множество друзей самых разных пород – и ровесников, и собак постарше, и даже собачьих пенсионеров. Но самой любимой стала Молли – щенок лабрадора двумя неделями старше. С ней Рада устраивала большие гонки с перерывами на борьбу сумо. Я тогда еще сама была ребенком, и все собаки виделись мне сказочными существами, яркими индивидуальностями.

Как говорил маленький принц – взрослые любят цифры. И действительно, сейчас меня скорее заинтересует, сколько собаке лет или же сколькими видами спорта она занимается, нежели ее богатый внутренний мир. Но тогда я каждый вечер могла становиться героиней волшебной сказки, просто бегая с длинной палкой в большой стае щенков.

Этот этап Радкиного взросления омрачился лишь одним моментом: ее крепкие прежде задние ножки ощутимо сблизились в районе скакательных суставов, что отразилось не только на стойке, но и в некоторой степени на качестве походки.

– Это слабые связи, для немца в период быстрого роста – нормально! Ваша задача – поймать тонкую грань между «дать собаке вырасти» и «не запускать»! – Светлана проводила сеанс кинологической психотерапии по телефону. – Подождите еще немного и начинайте бегать! И добавками не пренебрегайте.

Мы уже прощались; телефонная трубка начала движение на свое законное место, когда из нее послышался далекий взволнованный возглас Светланы:

– Да, совсем забыла! Барьеры до десяти месяцев – ни-ни. Разве что месяцев с семи перепрыгивать совсем низенькие, которые не выше пясти.

Конечно, мне было очень обидно. Будто кто-то капнул темной краской на идеальную картину, висящую на стене в галерее искусств. Время шло, и регресс стал очевиден. Связки по мере Радиного роста уже почти перешли границу с вывеской «приемлемо». «Нужно действовать», – подытожила я. Тем более что возраст (уже) и связки (пока) позволяли выполнять активные нагрузки.

У щенков связки более эластичны, чем у взрослых собак. Это всего лишь одно из проявлений материнской заботы природы. Благодаря эластичности связка может амортизировать удары по суставу, которые неизбежно возникают во время бега, активных игр и даже при простом шаге. Для растущего организма – архинеобходимо. Но у немецких овчарок есть тенденция к слабости задних конечностей, а потому важно отследить момент, когда забота природы начнет переходить в бич породы. Ведь от одного состояния до другого рукой подать.

Начали мы с покупки мячика. Ярко-красный, из приятной на ощупь плотной резины, с нотками ванили в запахе – новая игрушка сразу очень понравилась Радке. Чего не скажешь о соседке снизу – она настолько не прониклась нашими первыми упражнениями по подносу мяча на ковровой дорожке в коридоре, что даже впервые за 20 лет нанесла нам личный визит. Пришлось перемещаться на улицу. Но это и к лучшему: мягкий, чуть утоптаный снег по любому лучше ковра. Соседке плюстик в карму, как ни крути.

Бег за мячиком плотно вошел в нашу реальность. Рада превратилась в его фанатку буквально за день – и на всю жизнь. Я расписала ей персональную программу тренировок, чтобы нагрузки наращивались постепенно, без риска для здоровья щенка.

И пусть с первой собакой я сделала много неверных шагов в плане дрессировки, зато в плане Радиной физической формы нам повезло сразу нащупать путь истинный и не сворачивать с него.

Бег за мячом по прямой и вверх по горке, преодоление небольших сугробов, длинные прогулки в парке, а к году – еще и ходьба по лестнице вверх и внатяг на шлейке, а также плавание. Все это стало лучшей инвестицией в наше будущее. После нескольких месяцев последовательных тренировок я получила годовалую собаку с крепкими задними лапами. Их отдельно отметили на единственной в нашей жизни выставке, да и среди комплиментов Раде всегда лидировали «Какие красивые уши!» и «Какие хорошие для немецкой овчарки ноги!». Всю свою жизнь Рада не уставала благодарить за вложенные в нее в тот год усилия – не только сотнями километров быстрого мощного бега, кубками и медалями, но и... идеей названия для этой книги. Рада жила со всех лап.

Будет просто неприлично не упомянуть еще и одну замечательную собачью личность, которая внесла бесценный вклад в Радино физическое развитие. Гарик, метис цвергпинчера, мужчина в самом расцвете сил и на определенном жизненном отрезке – персональный тренер по бегу. А ведь все вводные данные непрозрачно намекали, что такого случиться не может, от слова вообще.

Гарикавлял собой полную противоположность обычным представлениям о фитнес-тренерах. Маленький, приземистый, с гордостью несущий свои жирненькие тела на коротких кривых лапках. Но это не мешало ему оставить с носом любого фитнес-тренера и олимпийского чемпиона вместе взятых, чуть только его кряжистая тушка подключала турбо-режим. «Откуда что берется», – только и ахали мы, прыжком уступая дорогу, когда мимо проносился Гарик в образе пушечного ядра, а за ним вверх по горке – Радка с высунутым языком. Гарик, кстати, отличался премерзким характером и пренебрежением ко всему живому. Особенно тренер по бегу не терпел больших собак и особенно немецких овчарок. Рада стала исключением – ведь за ее физическую форму он с некоторых пор нес личную ответственность. Да и девчонка вроде неплохая. Рада не интересовала Гарика как женщина, тем не менее он позволял сколь

удовно слюнявить себя и даже катать лапой по земле – но только с пользой для дела. Интерес к своей подопечной Гарик потерял одновременно с тем, как ее задние лапы стали идеальными. Совпадение или тренерские амбиции?

– Девушки, а из какого питомника ваша овчарочка? – заискивающе улыбаясь, почти скалясь, спросила незнакомая женщина. Она появилась будто из ниоткуда, но, ожидая ответа, едва заметно озиралась через плечо.

Я назвала питомник. Нам не жалко.

Рот женщины собрался в улыбку, напоминавшую переслащенный сухофрукт.

– А кто родители, бабушки-дедушки?

Я вздохнула, но перечислила несколько кличек. Мы не спешим, погода хорошая.

– Видела вашего деда на выставке, у него тоже задние ноги образцово-показательные, – женщина еще раз с пристрастием оглядела Радку, словно перерисовывала ее контур на невидимую бумагу. Вдруг, опомнившись, она засеменила в противоположную сторону по странной дуге.

За трансформаторной будкой мы заметили знакомую фигуру. Та почувствовала взгляд и сделала шаг назад – мол, нам показалось. Наша собеседница обошла будку с обратной стороны и, выждав, когда мы скроемся из виду, шагнула из-за стены уже в компании Лены. Лены и двух каких-то странных существ.

Лена, заводчица из нашего района, как никто другой умела испортить всякую породу, к которой прикасалась. История началась с немецких овчарок. Поговаривали, раньше Лена была прогрессивным дрессировщиком и перспективным заводчиком. Но что-то пошло не так: сначала – приоритеты, а затем «пошли не так» уже и сами собаки.

Неожиданно для обеих сторон в самом конце прогулки мы столкнулись за углом забора. Мама ахнула и прижала руку ко рту, у меня на глазах выступили слезы. Лена и наша недавняя знакомая вели на поводках двух щенков немецкой овчарки. Очаровательные полугодовалые бутузы кусали друг друга за шею, но, завидев незнакомцев, бросили свое занятие и принялись рассматривать нашу троицу с доброжелательной непосредственностью. Мой же немигающий взгляд замечал только часть картины, а именно – их задние ноги. Малыши попытались приблизиться к нам, и мама тоже заплакала. Плюсны щенков лежали на земле, так что передвигались они на пятках, словно обессилевшие кузнечики. Я собирала последние силы, чтобы не смотреть на их славные добрые мордочки.

Женщины не удостоили нас взглядом и прошли мимо. Я обернулась. Лучше бы я этого не делала – сбоку еще казалось, что у щенков есть, пусть крохотный, шанс на сносное существование.

До того дня наши отношения с Леной ограничивались тем, что мы были единственными овчаристами района, с которыми Лена принципиально не здоровалась. Но зато на постоянной основе засылала казачков к будоражащему четвероногому объекту. Собаки Лениного разведения (особенно кобели) не раз бросались на Радку, но теперь это казалось цветочками по сравнению со все новыми и новыми партиями щенков с безобразными ногами, которых мы наблюдали на прогулках.

Такие заводчики были, есть и будут всегда, покуда в этом мире существуют деньги и те, кто их приносит. Без законов о защите животных и в условиях большого спроса изменить ситуацию способно разве что одно маленькое движение верхним веком. Обычно оно дается с большим трудом, но его можно натренировать. Вот если бы сделали такие школы для будущих владельцев собак, где на первом и самом важном уроке их бы учили полностью открывать глаза даже при взгляде на маленьких, хороших щеночков! Тогда никакая Лена и ей подобные не смогли бы продавать собак из фильма ужасов. Горе-режиссер был бы уволен и пошел мести улицы.

Радины представления о дрессировке развивались параллельно моим, и частенько Раде было абсолютно параллельно на дрессировочные амбиции ее хозяйки. Но я старалась.

Обучение собаки командам послушания началось по переводной немецкой книге о немецких же овчарках. В отсутствие альтернативных источников информации о дрессировке моя кинологическая библия грозила рассыпаться в труху уже через несколько месяцев, а зачитанной до дыр она стала в первую же неделю совместной жизни с Радой.

Первые успехи не заставили себя ждать. Из обязательной программы Рада знала команды: «Рядом», «Ко мне», «Повороты на месте», «Сидеть», «Лежать», «Стоять», «Апорт». Произвольная программа включала: «Голос», «Умри», «Перевернись», «Замри», «Направо-налево», «Кругом». Самыми любимыми командами у Рады были «Умри» и «Голос». Она театрально заваливалась на бок, поджимала лапку и закатывала глаза. Скоро один глаз начинал разведку – определял координаты кусочка сыра. Если сыр запаздывал, автоматом шла команда «Голос». Эту команду Рада, похоже, могла выполнять бесконечно. Только попроси.

Нам с Радой было интересно общаться в тренировочном формате. Многое получалось само собой – «эффект первой собаки». Именно первые собаки достаются хозяевам уже с какими-то базовыми настройками, призванными хоть немного компенсировать их неопытность. То чувство, когда хотела чему-то научить собаку, а она это уже знает. До чего-то мы доходили на практике, набивая шишки в полевых условиях, – в такие минуты всегда чувствуешь себя усталым путником, достигшим лесной избушки с горячей печью и накрытым столом.

Но во мне крылся незаметный моему внутреннему дрессировщику тех лет грешок – я редко умела вовремя остановиться. Кроме того, ничего не знала о дроблении цели на маленькие шажки. В результате всегда заинтересованная Рада начинала сперва скучать и тупить, а затем и откровенно вредничать. Ведь просто встать и покинуть ратное поле ей не позволяло воспитание.

– Вот, еще один раз делаем и уходим! – говорила я сама себе после идеального прогона поворотов на месте. И именно в этот следующий «один раз» начинала происходить чертовщина, хотя ничто будто бы не предвещало. Рада читала мои мысли и с горя принималась, к примеру, не докручивать попу на этих самых поворотах. Прогулка затягивалась минимум на двадцать минут, теперь уже к неудовольствию подмерзающей мамы. Уже спустя несколько лет мама открыла мне страшную тайну: иногда, пока я не видела, Радка бросала на маму вопросительный взгляд, мол, «а шо за команда-то?». Мама подавала незаметный жест или подсказывала команду, бесшумно шевеля губами. И ведь все были счастливы.

После тренировок мы с Радкой самозабвенно гоняли по земле каштаны или маленькие яблочки – и пусть все игрушки мира подождут.

Примерно к семи месяцам Рада достигла размеров взрослой собаки. Но ладно бы только внушительных размеров – так еще и гораздо более внушительных амбиций. До этого меня занимал единственный вопрос: куда же так быстро делся мой ушастый пупсик и почему я вожу на поводке лошадку? Но когда Рада в первый раз облаяла из открывшегося лифта нашего соседа, все остальные проблемы отскочили на второй план даже быстрее, чем этот самый сосед.

Каждый проезд в лифте теперь сопровождался нешуточным стрессом – как для нас, так и для жителей подъезда. Последние дружно считали время ожидания лифта наиболее подходящим для различного рода философских дум. Нажав кнопку, они моментально уходили в благодатную нирвану. Поэтому, когда из дверей лифта на них вылетало рычащее чудовище, пусть и в наморднике, болтающаяся на другом конце поводка персона неизменно получала щедрые комплименты.

– Совсем оборзели со своим чудовищем! Спилберга на вас нет!

Я шлепала Раду по попе, с грустью размышляя, что старина Спилберг определенно много потерял. Ведь куда безопаснее прогуляться по парку Юрского периода, чем дожидаться лифта во втором подъезде. Даже с учетом того, что там динозавры были без намордников.

Но больше всего меня печалило, что я не знала, как это исправить. Не помогали ни шлепки по попе, ни одергивания, ни строгие команды. Рада будто вообще не замечала приемов из моего нехитрого арсенала.

Мы активно зарабатывали себе минусы, а я думала начинать зарабатывать на кинолога. Но однажды мы вышли на прогулку очень рано утром, когда внизу перед лифтом точно не могло никого оказаться. Это позволило проехать в лифте спокойно, а не как обычно – со сжатыми зубами и еще сильнее сжатым в руке поводком, будто я готовлюсь прыгать с парашютом. Привыкнув смотреть на Раду из-за завесы надвигающегося ужаса, теперь я подключила опцию ясного взора и увидела новые для себя детали, а именно: Рада начинает ершиться и наводить лапы еще на уровне третьего этажа.

Через несколько дней в подъезде воцарилась тишина, а я мысленно отправила старине Спилбергу письмо с извинениями, что его визит отменяется. Еще через пару недель с молчаливого согласия соседей мы сняли с Рады намордник. А ведь я просто начала пресекать те самые первые сигналы агрессии, а не бороться с ветряными мельницами после уже свершившегося факта. Новая схема сбивала Раду с панталыку, и она не успевала прийти в боевую готовность к моменту открытия дверей. Я сама стала спокойнее и осознаннее, и от меня в собаку перестали лететь адреналиновые искры. Огонь Радиной агрессии стал постепенно потухать и дымиться.

Пока Рада в положении «рядом у ноги» обменивалась удивленными взглядами с соседями, я виртуозно просовывала через намордник кусок сыра и проскальзывала в тамбур, где хвалила Раду так, будто она спасла мир. Хотя почему будто? Спасла – от своего внутреннего динозавра. Единственный побочный эффект – теперь соседи пугались моих восторженных воплей. Но это уже не к Спилбергу.



## Страсти в бочке меда

В нашу бочку меда, роль которой исполнял любимый стадион, периодически вливались ровно три ложки дегтя. А именно три взрослые суки: мастино неаполетано, родезийский риджбек и кавказская овчарка. Они возникали всегда в самый неподходящий момент, когда щенки особенно весело резвились.

Будучи заклетыми подругами, огромные собаки перманентно грызлись, и лишь в фазы коротких примирений делали вид, что играют друг с другом, на самом деле лишь подыскивая очередной повод для драки.

Но все менялось, когда на стадионе гулял кто-то еще. Внешний объект моментально спланировал бесноватых самок, и они неслись в его сторону, умирая от любви друг к дружке. Хозяйки формально прикрикивали на них, смахивая пепел от сигарет с пятнистых шубок, но чаще еще в калитке стадиона делали вид, что не имеют к этим собакам никакого отношения. Их несколько не волновала безопасность чужих щенков.

Особенно сильно дурная компания цеплялась к тогда еще четырехмесячной Радке, ведь к тому времени она уже ощутимо переросла большинство своих друзей. Иногда совместно с Моллиным дядей удавалось отгонять обидчиц, но чаще всего самым благоразумным вариантом было уходить, чуть только скрипнет калитка и из нее выкатится огромный рычащий клубок о трех головах. Однажды они зашли непривычно тихо, и мы с Радой потеряли драгоценные секунды. Пришлось перепрыгивать через ограждение стадиона с противоположной стороны со щенком на руках, чтобы избежать массовой драки с перевесом не в нашу пользу.

Но пришел час, когда жизнь не оставила мне выбора. Мы с Радой шли на стадион, как вдруг из-за угла на нее вероломно, словно медведь на волчонка, бросилась кавказская овчарка из печально известной компании. Сознание вернулось ко мне уже тогда, когда я на бегу врезалась в огромную тушу и с приличной скоростью поехала вниз по горке. Проблема заключалась лишь в том, что ехала я прямо на кавказке.

Ехать было тепло и мягко. Живая и невредимая Рада неслась вниз параллельно нам с громким лаем. Я чувствовала себя сорванцом, который украл у отца со стены шкуру медведя и теперь безудержно развлекается. Но вообще – так себе шабаш, ведь у моего медведя имелись вполне себе функционирующие зубы, а я совершенно не могла различить, где в этой бесформенной массе голова. Оставалось надеяться, что голова у медведя кружится так же, как и у меня, и ему будет не до укусов. Действительно, нас несло вниз, все больше и больше закручивая на льду волчком. Какие там американские горки! Это суровые русские горки, на медведе гонки.

– А-а-а-х!..

Дыхание на мгновение перехватило; я сделала отчаянный шумный вдох ртом – мы врезались в сугроб. Когда снежный вихрь улегся, мы с моей пушистой ледянкой встали – и просто разошлись в разные стороны на подкашивающихся ножках. Рада, не теряясь, дала дополнительный волшебный пендель обидчице для ускорения в сторону хозяйки.

Мораль сей басни такова: когда останавливаешь коня на скаку, посмотри, нет ли у тебя под ногами свежего льда. Если вместо коня медведь, тоже посмотри. Хотя лед, определенно, придал нашему замесу долю интеллигентности и спас отчаянную Радину хозяйку от возможных покусов. Обидчица после того случая еще много лет превращалась в извояние, чуть только слышала меня или Радку. И пусть нас разделяли добрые пара сотен метров – расколдовать кавказскую овчарку могло только увеличение расстояния между нами минимум в два раза.

## Непрозрачный хомяк

В конце 2005 года у меня появился интернет. Первый в жизни. Домашний. Безлимитный.

Сориентироваться во всемирной сети получилось не сразу. В первый же день по запросу «хомячки обои на рабочий стол» браузер услужливо выдал мне фото, ни много ни мало, голого мужика. Я беззаботно кликнула по картинке с милым пушистиком... Да, милый пушистик – хомяк на превью. Мою детскую психику спасла только малая скорость интернета и то, что изображения в нем подгружаются сверху вниз, а не наоборот. Картинка постепенно открывалась тонкими полосками, и я успела заподозрить неладное лишь на уровне пупка мускулистого брутала. По своей наивности до этого момента я еще лелеяла надежду увидеть хомяка – ну, допустим, сидящим у него на ладони.

Это был непрозрачный хомяк... эээ... намек, что нужно учиться всему – даже грамотному тыканью кнопок в интернете. Но с хомяками решила больше не связываться – у меня имелись дела поважнее. Я хотела найти своих ровесников, единомышленников по активным занятиям с собаками. Надоело вариться среди инертных тетенок и дяденок – собачников нашего района, словно муха в засахаренном сиропе.

Я принялась яростно вбивать в поисковик запросы примерно следующего содержания: «Увлекаюсь кинологией и ищу единомышленников» или «Учусь в школе увлекаюсь кинологией», «Ищу друзей собачников. Мне 14 лет». Всемирная паутина встретила меня без энтузиазма. Словно зловещая старуха-риелтор, она приводила в основном на заброшенные сайты-одностраничники. Альтернативой этим «домам с привидениями» были только крупные живые сайты, где рулили уже взрослые тетеньки с соответствующей аудиторией.

Я даже сделала свою собственную страничку о нас с Радой. Плод долгих ежевечерних стараний и страданий. Последние были из-за ссылок, ведь я долго не понимала, как их правильно вставлять. Получился сочный зелененький сайт с плохо усвояемым длиннющим названием (настолько длиннющим, что даже Лев Толстой бы позавидовал). На главной странице я рассказала, что мы самостоятельно занимаемся послушанием, а также изучаем различные «интересные команды». Так я называла трюки. Далее шел столбик команд, которые знает Рада. Завершала все жирная надпись большими фиолетовыми буквами: «Будем рады познакомиться с единомышленниками для общения и обмена опытом».

Мне действительно написали десяток-другой человек, но в основном из других городов. Я переписывалась и с Сахалином, и с Мурманском, и с Киевом, и с Питером, и это было по моему чудесное время. Но не совсем то, чего я хотела.

Ложки дегтя, кстати, бывают не только на прогулках с собакой. Однажды мне на электронную почту прислала письмо женщина втрое меня старше и обозвала наглой врунишкой, ведь «собаку невозможно научить команде “Назад!”». Собаки, гневно писала она, в принципе не способны ходить назад. Капслок и восклицательные знаки активно подчеркивали ее моральное превосходство.

Тон письма выглядел таким уверенным, что я даже поднялась с кресла и вытащила из холодильника сыр. Мало ли, вдруг мне все показалось?!

Но когда Рада, забавно виляя бедрами, прошла задним ходом весь коридор, я решила, что каждому свое: пусть людям остается то, что принадлежит **им**, а я буду с удовольствием заниматься **своим**. Вот ведь как меняются времена – сейчас ни у кого не вызывает сомнений возможность выполнения даже самых мудреных команд, не то что каких-то там прозаичных «назад».

Шла неделя за неделей, но в поисках ровесников-собачников в Москве я так и не преуспела. Тогда интернет был совсем другим, нежели сегодняшний, и приходилось самостоятельно выстраивать логику поисков. Но, набивая шишку за шишкой, я, как ребенок, который

учится ходить, даже не допускала мыслей о неудаче: была уверена, что мне суждено однажды обзавестись своей идеальной компанией.

В один прекрасный момент я устала от казавшихся бесконечными поисков и решила взять небольшой тайм-аут. Даже подумывала вернуться к просмотру картинок с хомячками. И именно в тот вечер поисковик выдал вдруг страницу девушки Эли, хозяйки спортивного мопса Тимы.

Наверное, не счесть, сколько раз я проходила где-то вблизи, но в результатах поиска она появилась только сегодня. Вселенная будто оттягивала начало моей активной кинологической жизни до лучших времен. А тут звезды сошлись, и я получила все, что искала, – забросила удочку, а к крючку прицепилась целая сеть с рыбой.

Эля посоветовала школу юного кинолога и юного хэндлера<sup>1</sup>, из которых выпустилась в минувшем году, а также форум «Дог-шоу». Последний был придатком мертвого уже сайта об одноименной передаче. Но на приятном бежевом фоне форума жизнь кипела. Я едва кликнула по ссылке, как у меня перехватило дух. Форум походил на волшебное дерево с десятками веточек-тем – так называемых личных страничек моих ровесниц, на которых цвели буйным цветом и буйными смайликами рассказы об их занятиях и просто о жизни с собаками. Не прошло и недели, как моя реальность наполнилась надрывным пицанием аськи (ныне ушедшей в вечность ICQ), тоннами смайликов, полотнами сообщений на форуме, а затем и яркими, веселыми встречами. Бурным потоком они ворвались в мою жизнь, словно вышедшая из берегов река в открытые ворота тихого двора. Из ворот меня вместе с Радой вынесло в надувной лодке и с огромной скоростью понесло навстречу новым приключениям.

---

<sup>1</sup> Хэндлер – человек, профессионально показывающий собак на выставках.

## Особенности национальной дрессировки

– Бу-у-у-у!!!

В центре круга, образованного идущими по команде «Рядом» собаками, на корточках сидела дама с сигаретой. Дама была средних лет и, судя по всему, очень средних дрессировочных способностей. Периодически она вынимала сигарету изо рта и, выждав подходящий, по ее мнению, момент, хрипло гаркала в ухо проходящей мимо собаке. Вся эта не в меру странная схема претворялась дамой в жизнь с таким апломбом, что не возникало никаких сомнений в грандиозности ее личности. Бесспорно, дама чувствовала себя Светилом, вокруг которого движутся маленькие глупышки-планеты. Сама же Вселенная представляла собой небольшой огороженный кусок земли странной треугольной формы, на котором под линией теплотрассы месила грязь дюжина собачников. На заборе висела маленькая, но гордая табличка «Дрессировочный центр. Все виды услуг».

– Бу-у-у-у!

Огромная молодая кавказская овчарка подпрыгнула так высоко, что на секунду показалось, будто над ее хозяином на поводке зависло большое белое пушистое облако. Белое облако с выпачканным в черной жиже пузом.

Я вычислила некий алгоритм действий дамы, и долгое время мне удавалось проскакивать, в нужные моменты замедляясь или ускоряясь, а то и пропуская кого-то вперед. Спасибо школьным урокам физкультуры за знаменитый лайфхак с завязыванием шнурков.

В кармане запищал телефон – пришла смска от мамы: «Как вы?» Забывшись, я уткнулась в дисплей, одной рукой набирая ответ.

– Бу-у-у-у!

Я выронила из руки в грязь телефон, на дисплее которого уже значилось «Нормаль...». Рада застыла, с изумлением рассматривая даму сверху вниз.

– Ну и че ты зыришь? – дама потянулась к Радке.

– Бу-у-у-у! – гаркнула, в свою очередь, Радка.

От неожиданности дама выпустила из рук сигареты. Одной рукой сдерживая рычащую Радку, другой я выковыривала телефон из лужи. Дама доставала пачку сигарет из соседней лужи.

– Мы это... пойдем, – я победно обтерла телефон о джинсы.

– А чой-та? Еще вообще-то час занятий! – дама грозно выпрямилась, демонстрируя внушительный рост и желтозубый оскал.

– Дома молоко убежало, извините, – пока дама обрабатывала информацию, мы с Радой, как два ужа, проскользнули в калитку и быстрым шагом направились в противоположную от площадки сторону Лил дождь, чавкали сапоги; Рада жмурилась и поминутно громко трясла ушами. Позади нас, зловеще отдаваясь от железного забора площадки, все тише слышалось «Бу-у-у-у!». А мы шлепали по лужам – мокрые, замерзшие, но восхитительно свободные.

Так закончился, не успев начаться, наш поход на единственную дрессировочную площадку «на районе», рекомендованную местными друзьями-собачниками. И вроде площадка была вполне удобно расположена, а нашему с годовалой Радой домашнему ОКД<sup>2</sup> уже требовался профессиональный взгляд. Но практика показала, что лучше ковыряться одним, чем с кем попало. Одни мы, кстати, ковырялись еще недолго – совсем скоро к нам приехала личная дрессировщица, которую мы нашли довольно прозаично. Да, в 2005 году современную таргетированную рекламу, аккаунты в инстаграме и прочие радости капитализма еще успешно

---

<sup>2</sup> ОКД (Общий курс дрессировки) – российский национальный норматив по дрессировке собак. Включает в себя упражнения на послушание и преодоление нескольких видов препятствий (снарядов).

заменяли доски объявлений у зоомагазинов, в два слоя обклеенные черно-белыми листовками с линиялыми фотографиями собак. И жили же как-то.

В некотором волнении я стояла у метро и напряженно вглядывалась в толпу. Точно считав мое настроение, Рада занималась ровно тем же. Периодически она зацеплялась взглядом за какого-то человека, долго следовала за ним глазами в людском муравейнике, а когда тот в своих мыслях проходил мимо нас, вопросительно заглядывала мне в лицо.

Воспоминания о перипетиях последней недели отвлекали меня от томительного ожидания. Ведь на Иру я напала далеко не сразу.

– Здравствуйте, это дрессировка собак? – сбивающимся от волнения голосом произнесла я в трубку, набрав номер с первого по счету обрывка объявления.

– Что-что? Говорите громче! – к телефону подошла какая-то старушка.

– Здравствуйте, это дрессировка собак? – повторила я на этот раз громко, но будто совсем без знаков препинания – чтоб побыстрее.

– А, сейчас, сейчас, позову сына, это он у нас собакам хвосты крутит!

В трубке долго слышались шорохи, будто мой будущий собеседник пробивается к телефону через какие-то баррикады.

– Да, слушаю! – шорох резко сменился бодрым мужским голосом. Я даже отпрянула от трубки – ничто не предвещало самоликвидации оборонительных заграждений на полпути.

Я объяснила суть моего обращения и попросила рассказать, какие упражнения входят в ОКД.

– Движение рядом, апортировка, комплекс...

– Что-о-о?! – буквально вскричала я. – Какой еще куплекс?!

– Ко... комплекс, – в смятении выдал мой собеседник.

Я смеялась так, что случайно нажала на рычаг телефона. Баррикады и глухая старушка оказались не более чем плохой связью в квартире дрессировщика. Решив, что последний определенно обрадуется, если эта странная особа ему не перезвонит, я продолжила свои поиски.

Уже в начале разговора с Ирой по телефону я поняла, что мы на одной волне. Поиск дрессировщика для Рады был моим первым самостоятельным опытом общения с таким большим количеством незнакомых взрослых. Среди них мне предстояло выбрать самую подходящую кандидатуру. Кандидатуру на суперважную должность стратегического значения.

Несмотря на все регалии и громкие звания, мы все равно, пусть и неосознанно, в первую очередь обращаем внимание на личность человека. В четырнадцать лет может не хватать жизненного опыта, зато еще сохраняется детское, чистое восприятие людей, когда просто загорается зеленая или красная сигнальная лампочка. Ребенку нет нужды подставлять табуретку и всматриваться в несчастную лампочку, пока в глазах не заплывут черные пятнышки, только еще больше заслоняющие реальную картину.

В старшем же возрасте мы редко когда останавливаемся на первом впечатлении. Приводим самим себе аргументы, которые кажутся ну очень рациональными. В итоге закрываем отчаянно мигающую красную лампочку, как непрозрачной шторкой, либо уговариваем себя, что она все-таки зеленая. Ради чего? Натягивать сову на глобус – любимое развлечение взрослых людей.

Вот так вот и ищешь всю жизнь эту тонкую грань между детской непосредственностью и мучением невинных птичек.

На следующий день, когда я вернулась из школы, мама не открыла мне дверь, как обычно. Повернув ключи в замке и легко толкнув ручку, я услышала, что мама говорит по телефону:

– Да, да, Ксюша сама очень много с собакой занимается, этот вопрос полностью на ней, и ваш телефон она тоже сама нашла. Не волнуйтесь.

Оказалось, Ира решила подойти к вопросу ответственно и на всякий случай перезвонила маме – удостовериться, что меня не гонят заниматься с собакой против воли. А то, как сказала Ира, к ней частенько приходят дети, получившие волшебный пендель от родителей, и занимаются с собакой чуть ли не через слезы. Явно не наш случай – меня почти трясло от нетерпения в предвкушении первого занятия.

От толпы отделилась молодая женщина и, улыбаясь, направилась к нам. Она была точно такой, как я себе представляла по телефонному разговору: чуть помладше моей мамы, доброжелательная, но неприметная. Джинсы-клеш, легкий вязаный севший джемперок, зализанные в хвост волосы, на плече большая квадратная старомодная сумка непонятного цвета. В толпе Иру было бы не заметить при всем желании. Тем не менее, для меня она стала единственным окном в мир настоящей кинологии, посланцем с большой земли, практически доброй феей. Но главное, она находила у Рады множество волшебных, невидимых прежде кнопок и учила меня нажимать на них в правильной последовательности. По окончании положенных десяти занятий Ира вручила мне невидимый пульт от Радки, батарейки которого хватило на всю жизнь.

Ира в целом осталась довольна нашими домашними наработками, и мы взяли курс на официальный норматив.

Каждый раз я притаскивала в сумке внушительную порцию нарезанного ровными кубиками сыра. Окрестные вороны быстро полюбили наши занятия. Пока я выгружала необходимый инвентарь, вороны рассаживались на соседние деревья, словно зрители в Большом театре. Но особенно они ценили антракт. Пока Рада пила воду, им можно было незаметно собрать все, что мы рассыпали, постигая премудрости общего курса дрессировки.

Раде же больше всего понравилась новая для нее команда «место». Она с удовольствием бежала к лежавшей на асфальте сумке, где ее щедро кормили под осуждающими взглядами ворон. Каждое увеличение расстояния до сумки, да и вообще каждый наш маленький шаг вперед приятно отдавался где-то внизу ребер. Приятно, но при этом и щекотно – ведь надо двигаться дальше.

Процесс дрессировки строился следующим образом: сначала Ира вместе с Радкой показывала выполнение упражнения, затем я забирала собаку и старалась повторить.

– Да вы уже можете на соревнования выходить! Откуда она все знает?! – неизменно восклицала я, когда Радка оказывалась в руках Иры. В моих же руках карета хоть и не превращалась в тыкву, но многие технические характеристики бесследно пропадали. Шаг за шагом, под руководством инструктора мы сглаживали эту разницу, и карета обретала все больше и больше лошадиных сил.

Ира работала очень по-доброму и с Радкой, и со мной. По итогам первой десятилетки могу сказать, что в мире большой кинологии люди, не выпячивающие своих знаний и не старающиеся самоутвердиться на фоне менее опытного человека, – большая редкость. Рада тоже любила Иру, чувствуя в ней опытную овчаристку. Она всегда безошибочно вычисляла овчаристов и без очереди оформляла им карту лояльности.

Как-то раз я поделилась с Ирой: Рада периодически облаивает детей. История с выходом из лифта благополучно завершилась, а тут собака позволяет себе вольности: пройдет спокойно мимо девяти детей, но если десятый сделает резкое движение либо издаст звук, значение которого Радке непонятно, может подскочить и облаять с расстояния трех-четырех метров. Конечно, это всегда выбивало меня из колеи, еще и Рада потом некоторое время не давалась, зная, что после поимки получит по заднице. Я понятия не имела, что в таком случае можно сделать на дистанции, и была просто в отчаянии. Водить все время на поводке? Но как же дрессировка и игры с собаками? Хотя и замечания собирать порядком надоело.

– А ты брось в нее поводком как следует!

– Прямо в нее? – ужаснулась я.

– Ну не совсем – так, чтобы он просвистел прямо над ней, но в нее саму не попал. – Ира хитро улыбнулась пока еще ничего не подозревающей Радке. – И смотри, в ребенка ненароком не зафиндели!

Случай представился уже на следующий день. Мы делали домашнее задание по увеличению времени выдержки. Через собачью полянку проходил дедушка с двумя внуками лет пяти. Те носились по лужам, свистя и улюлюкая. Радка, конечно, не могла выдержать такого разгула стихии. Сорвавшись с выдержки, она побежала в их сторону и начала прыгать вокруг с противным «А-ва-ва-ва!». Уж насколько я никогда не отличалась меткостью, да еще и в сумерках, но тут все звезды на небе совершили экстренную перетасовку во имя моей удачи и спокойствия всех окрестных детей. Я от души запульнула скрученный поводок в сторону негодницы. Было слышно, как он просвистел в воздухе и упал наземь в нескольких сантиметрах от Радки, после чего воцарилась полнейшая тишина. Прежде чем я успела что-то сообразить, с разбегу в меня влетела Радка. Она извивалась в ногах, виновато виляла хвостом, прыгала вверх, царапая мне живот, лизала в лицо – словом, извинялась и за этот эпизод, и за все предыдущие, будто бы говоря: «Я поняла! Теперь я все поняла!» Я насилу отделалась от нее под удивленными взглядами бабушки и детишек.

– Ававава совсем того, – только и сказал один.

После этого случая Рада ни разу в жизни не позволила себе даже косога взгляда на детей. Не счесть, сколько детей гладили ее и обнимались с ней после выступлений в детских домах, на детских праздниках и соревнованиях в последующие годы. А ведь еще минуту назад в это невозможно было бы поверить.

После десяти занятий Ира отправила нас в свободное плавание, подытожив, что дальше мы можем, а главное, должны сами. Но даже не эти ее слова стали самыми важными.

Через некоторое время мы официально сдали ОКД на площадке. В середине нулевых тех, кто занимался самостоятельно, крайне неохотно принимали на экзамены. Я обзвонила множество площадок, прежде чем получила единственный положительный ответ. До этого мне либо сразу отказывали, либо предлагали оплатить групповой курс.

Счастливая, по дороге с экзамена я отправила Ире эсмэску с благодарностью и цитатой судьи: «У вас супер-пупер первая степень!»

«Поздравляю с заслуженным результатом!» – написала Ира и сразу же добавила: «Не знаю никого, кто бы чувствовал собаку так, как ты».

С Ирой мы больше не виделись. Но эта эсмэска определила ход дальнейших событий в нашей с Радой жизни, дав мощный заряд вдохновения и веры в себя.

В минуты, когда нашу шлюпку мотало по волнам над кинологическими пучинами, я вспоминала этот незатейливый текст, всего одну фразу, написанную нашей первой учительницей. Он вспыхивал маленьким огоньком, но его хватало, чтобы подсветить место, где шлюпка дала течь, и устранить ее. А там уже и волны стихали, и близился новый рассвет.

## ЗКС – Злая Кусачая Собака

Ужас! У-жас!

В тот день Рада превзошла саму себя.

Мы сразу не понравились инструктору. Ну, может, за исключением Радки. На нее он бросил не в меру оценивающий взгляд еще когда мы входили в калитку дрессировочной площадки. Мы с мамой отвечали полной взаимностью: стоит тут, смотрит сверху вниз да выпендривается без устали – просто фу.

Мудреные кинологические термины так и сыпались на наши головы. Впору было спрятаться под зонтиком, который висел без дела на мамином запястье.

– А вот я со своей овчаркой еще занимаюсь мондьорингом, – вещал инструктор, наслаждаясь нашей неосведомленностью в вопросах современной кинологии.

– Чем-чем вы занимаетесь?! – выпалила вдруг я, и настолько громко, что даже для меня самой это стало неожиданностью.

Мама строго глянула из-за плеча на свою четырнадцатилетнюю дочь, так что я покраснела и принялась выковыривать ногой камешек из песка.

– Мондьо-рингом, – повторил инструктор для тупых, – это самый крутой вид защиты, французский норматив.

Немного выждав, видимо, чтобы мы успели глубоко вздохнуть, он продолжил:

– И вот мы с моей овчаркой первый раздел прошли, приступаем ко второму. Чтоб вы понимали, третий – это вообще уже космос, – смаковал инструктор.

Я сохраняла на лице спокойное, как у удава, выражение.

– Вообще, конечно, мондьоринг, даже единичка, сложнее... несоизмеримо сложнее того, чем занимаются на защитно-караульной службе<sup>3</sup>, – инструктор решил добить нас своей крутизной.

По его мнению, мы были подходящим фоном для нее. И поначалу все звезды действительно теснились на стороне инструктора.

– Да, вы же хотели показать ваше ОКД, – голос инструктора приобрел приторно-благодарную интонацию хищника.

Я, признаюсь, ждала этого момента. Наше с Радой ОКД точно положит чванливого персонажа на лопатки.

Впервые я заподозрила неладное, когда Радку пришлось уводить от куста репейника со шмелями, словно козу на веревочке. Ну, то есть без веревочки. Пока мы с инструктором бесполезно проводили время, а точнее мерились хоботами, Рада нашла себе крайне полезное занятие и вышла в астрал. В такие минуты ее красивые, мудрые не по годам глаза теряли всякое выражение.

– Исходную позицию не забудьте, – процедил инструктор сквозь зубы, занимая ВИП-место в первом ряду.

– Рада, ря-а-дом!

И тут запахло жареным. Жареным шмелем.

Рада и так всегда питала нездоровую любовь к этим насекомым, но сейчас куст репейника полностью захватил ее мысли.

– Ря-а-дом! – я все еще верила в лучшее и бодро начала движение.

Рада так и осталась сидеть на месте. Нетрудно было догадаться, в какой точке оканчивалась проведенная по направлению ее взгляда прямая.

---

<sup>3</sup> ЗКС (Защитно-караульная служба) – отечественный норматив по дрессировке собак. Обучение собаки направлено на выработку навыков по охране и защите владельца и его имущества. Также собака осваивает выборку чужой вещи по запаху.



Инструктор не стал сразу праздновать победу. Он смаковал.

– Возьми ее на поводок!

– Да не, она без него прекрасно умеет! – отмахнулась я. – Сейчас просто очень жарко.

Действительно, парило перед грозой. Но для немецкой овчарки так себе оправдание. Тем более, когда кто-то занимается мондьорингом.

– Мам, а где поводок? – второй заход показал, что лучше не отказываться от таких благ цивилизации.

На поводке Рада хотя бы делала вид, что знала команду «Рядом!» в прошлой жизни.

– Давайте мы еще комплекс покажем, он у Рады хорошо получается, – предложила я, чувствуя непреодолимое желание отыграться. Но «эффект казино» таит в себе немало коварства.

– Ладно, в следующий раз, – подытожила я, когда Рада легла из положения «сидеть» аж с третьей команды. По правде говоря, я не узнавала свою собаку. Неидеальную, но достаточно честную при всей своей любви к различного рода приколам.

– Ужас! У-жас! Вы уверены, что вам сейчас нужна защитка, с такой-то послушкой? – инструктор уже практически сдирал с меня шкурку и готовился отщипнуть сочного мяса.

– У нее очень хорошее ОКД. Вы еще увидите, – я сказала это настолько уверенно, что инструктор невольно поперхнулся, словно лев шипами дикобраза.

Как специально, на соседнем поле занимался мужчина с ризеншнауцером. Пес не ходил рядом – он плыл. Плыл рядом с хозяином – черный лебедь, не иначе. Идеальные, отточенные до мельчайших нюансов движения, безукоризненная синхронизация с хозяином и стопроцентное внимание. Пес не спускал с хозяина глаз, задрал голову вверх. Хотелось включить Моцарта.

Я никогда не видела ничего подобного и смотрела с благоговением, не в силах оторвать взгляд ни на секунду.

– Вот это – образцово-показательное движение рядом, – сказал инструктор как-то мягко, видимо, подустав от моей адвокатской деятельности в отношении Рады.

Вместе с тем в его голосе явно читалось предвестие, что нашему с Радой дуэту Моцарт не светит.

Мы уже собирались прощаться на какой-то непонятной ноте, как заскучавшая Рада вдруг выхватила зубами зонтик из маминых рук и, мотая его из стороны в сторону, гордо продефилировала мимо мужчины с ризеном. От бешеного хохота инструктора последние испуганно прекратили свой танец. Мы втроем долго не могли разогнуться от смеха – на ступеньки инструкторского домика даже вышла девушка, чтобы строго посмотреть, кто это тут возмутил царящую на площадке нирвану.

В итоге в течение ближайшего часа мы прощались с инструктором еще несколько раз, и все безуспешно. Инструктор, по всей видимости, никак не мог понять, почему такая вкусная жертва раз за разом застревает в горле и не проглатывается. Особенно неприятно впивался в горло шип нашего с мамой безусловно уверенного и позитивного настроения на фоне полного окэдэшного фиаско. Инструктор уже вкусил крови, чтобы так просто с нами расстаться.

Все-таки протестировав Радкину хватку на специальном рукаве, где Рада неожиданно для всех включилась на все сто, инструктор назначил на ближайшую среду первое наше занятие по защите. Напоследок мы даже удостоились похвалы – за то, что Рада без колебаний шла в лобовую атаку и активно топтала инструктора лапами.

Я взяла у инструктора номер и записала его в телефоне как «Защитник». Защитная же служба. Логично, как мне тогда показалось.

Во многом причина нашего с мамой приподнятого настроения заключалась в Радиной первой, притом успешной, поездке на метро.

Еще несколько часов назад я была тем человеком, который боялся поездок в метро с собакой, без преувеличения, больше, чем кто-либо в мире. При одной только мысли о коварных турникетах, эскалаторах с ужасной кровожадной гребенкой в конце, бесконечных толпах

народа и плотоядных стаях бездомных собак в переходах мне становилось дурно и возникало непреодолимое желание полежать. Это как аэрофобия, только собакометрофобия, и весьма запущенная. При этом я совершенно не опасалась, что может испугаться сама Рада. Спокойная собака и мечущаяся на поводке хозяйка – так себе сочетание.

Соответственно, для меня были закрыты все возможные занятия с собакой, кроме самопального фризби<sup>4</sup> на поляночке и ОКД с инструктором. И если еще в прошлом году такое положение дел меня вполне устраивало, то теперь Рада достигла возраста в один год, когда можно начинать заниматься ЗКС, а у меня появился интернет. Из него я узнала, что в Москве с недавних пор царит потрясающий воображение капитализм в плане занятий с собаками, и этот факт совершенно захватил мои мысли.

Однако недаром страх – самая сильная эмоция. Всем форумом «Дог-шоу» меня уговаривали хотя бы разок проехать пару станций, приводили массу успешных ободряющих примеров. Даже моя осторожная мама будто бы намекала попробовать.

Но самую планомерную работу провела Тамара Станиславовна – руководитель школы юных кинологов. Еще морозными мартовскими днями я приезжала на Фрунзенскую (естественно, без собаки) в неотапливаемый деревянный домик посреди парка. Там мы с Тамарой Станиславовной, непрерывно греясь чаем из монстрического вида старого чайника, разбирали дрессировочные нормативы и статьи выставочных собак.

– А представляешь, как было бы здорово, если бы ты брала с собой собаку? И она бы занималась в удовольствие, и греться бы специально не пришлось! – так обычно начиналась любимая лекция Тамары Станиславовны. Нет, на этот раз не про нормативы дрессировки, а про неоспоримые плюсы поездок с собакой на метро.

Я вежливо слушала, периодически вставляя свои доводы против. Но Тамара Станиславовна была неумолима. В итоге ее суперпланомерная работа принесла свои плоды. Нет, я не приехала на площадку на метро. Мы приехали на апрельские показательные выступления на такси, но с твердой решимостью в следующий раз сделать **это** на метро. Следующего раза с той площадкой так и не случилось: городские власти прикрыли ее, ведь один ученик на теории и шесть-семь на показательных – очень мало, а земля в центре города лишней не бывает. Однако Тамара Станиславовна, безусловно, посеяла во мне мотивационное зерно, которое с приходом времени занятий ЗКС разрослось до буйного куста-выюна, опутывающего мои мысли. У этого выюна еще не совсем распустились листья и только-только намечались бутоны, но он жадно тянулся к солнцу с огромной верой в светлое будущее.

Уже осенью я по праву могла считаться одним из самых активных в Москве ездовых в метро с собакой, практически маньяком. А может, и самым активным – ведь многие наши любимые занятия располагались ровно на противоположном конце Москвы, а Рада уже занималась несколькими видами спорта.

Сегодня же перед нами стояла конкретная и вполне земная задача – проехать пять станций на метро до дрессировочной площадки, преодолев при этом только один небольшой эскалатор.

В переходе Рада обменялась любезностями с толстой метрополитеновской дворнягой, внушительные габариты и еще более внушительная лень которой не позволили ей сделать больше двух шажков в попытке догнать чужаков и задать им тумака.

Зато вахтерша в будке при приблизительно таких же габаритах имела куда больше мотивации, так что нам с Радкой пришлось дать газу после турникетов – даже несмотря на наморд-

---

<sup>4</sup> Фризби (Дог-фризби) – вид кинологического спорта, в котором хозяин бросает летающий диск, а собака должна его поймать. Включает в себя три вида состязаний: на точность и на дальность броска, а также фризби-фристайл (акробатические трюки с дисками под музыку).

ник. Толстая метрополитеновская дворняга белозубо и безнамордниково ухмылялась нам вслед, стоя рядом с вахтершей.

Когда осталась треть пути на эскалаторе, мы с мамой подняли Раду на руки – мама за переднюю часть, я за заднюю – и ловко перебросили через гребенку. Дежурная по эскалатору видела такое впервые, так что потеряла не только дар речи, но и дар хищного выскакивания из будки.

Заинтригованная происходящим, Рада совершенно не впечатлилась грохотом поезда, прибывающего на платформу. Зато с удовольствием поглощала сыр, выдаваемый моей трясушей рукой практически в неограниченных количествах. Уже в поезде Рада быстренько плюхнулась на постеленную нами тряпочку. Гигиена на грани фантастики.

На конечной нас ждала только короткая лестница вверх да традиционная дворняжка в переходе, более пугливая, чем первая, но зато с противнейшим истеричным лаем.

В тот день я убедилась, что наше воображение порой гораздо безжалостнее реальности. И тут делай что угодно, но единственная по-настоящему действенная таблетка-противоядие – встретиться со своим страхом, предварительно отрезав себе пути к отступлению. Ну и вдох-выдох, вдох-выдох.

Метро, без преувеличения, открыло нам с Радой мир. И мир дрессировки, и мир вообще. Сейчас мне уже сложно себе представить, как, *как* это я ездила через всю Москву с немецкой овчаркой несколько раз в неделю. А тогда мотивация решала все, и все метрополитеновские страшилки были лишь фоном для нашей интересной, насыщенной жизни, иногда приправляя ее щепоточкой перца.

На обратном пути с тестирования по ЗКС мы сели на троллейбус. Как бы хорошо ни прошла первая поездка на метро, троллейбус удовлетворил наше непреодолимое желание отвести душу после подземки. А что, и в окошко посмотрели, и бесконечные истории от народа в стиле «Вот у меня тоже была овчарка...» послушали. Да, те самые истории «про Рекса», невольно выслушивая которые, бесполезно задавать какие бы то ни было вопросы. Ведь рассказчики уходят в такой астрал, что даже пропускают свои остановки.

Небольшой лайфхак по вычислению подобных личностей: если кто-то продирается к вам через весь вагон спросить, сколько вашей собаке лет, ждите рассказов до конца пути. Взгляд рассказчиков проясняется только тогда, когда говоришь, что ты с собачкой выходишь на ближайшей остановке.

– Вот вам еще совет: добавляйте в миску тертую морковь! Это предупреждает агрессию! – несетя вслед, когда Рада уже стаскивает меня вниз по ступенькам троллейбуса.

## Культура так и прет

– Ра-а-ада, Рада-а-а, чужо-о-ой!

– Это что за «Уйди, противный!»?! Нормально кричи!

– А-а-а-а! – старательно затягивала я на весь лес.

– Ксюш, уже лучше! А ну наддай еще! И прикрывайся, прикрывайся собакой! – защитник, размахивая стеком<sup>5</sup> и вытягивая вперед руку, одетую в специальный рукав, грозно наступал на нас с Радой.

Я никогда не видела Радку такой. Мне приходилось очень сильно упираться, чтобы она не утащила меня за собой в порыве праведного гнева. Я как будто вросла ногами в землю и чувствовала, еще чуть-чуть – и она выдернет меня вместе с куском земли и потащит вперед, словно молодое деревце.

– Ну, что молчишь? А ну кричи давай!

Стоило защитнику напомнить о моих прямых обязанностях, как я, не в силах с привычки выполнять два дела одновременно, запуталась в поводке и грохнулась наземь. Секунду спустя я почувствовала на лице мокрый нос – Рада удивленно нависла надо мной, взглядом будто бы вопрошая: «Ну что, живая?!» Еще спустя секунду я, все в том же положении лежа, наблюдала, как Радин поводок убегает от меня по земле. И все бы ничего, но на его противоположном конце была моя собака, которая уже вцепилась в защитника.

– Забирай! Забирай, твою ж дивизию! – голосил тот. На бегу я отметила, что у него это получается гораздо лучше, чем у меня.

– Снима-а-а-й! – орал защитник.

– Как?! – пищала я, прыгая вокруг.

– За ошейник, мать твою!

С третьей попытки я отцепила Радку с рукава и, насилу развернув за ошейник в противоположную сторону, привязала к ближайшему дереву.

– Ксю-ша, у меня к тебе серьезный разговор, – защитник гнетуще медленно стягивал рукав. – Подойди ко мне.

Потирая испачканное в земле бедро, я шла как овца на заклание. А так все хорошо началось.

– На кинологические курсы тебе надо, – защитник говорил это будто своей руке, внимательно рассматривая расплывавшиеся по ней синяки.

– Что-что? – переспросила я, тоже будто у руки защитника.

– Еще так сделаешь, убью! – защитник резко поднял налитые кровью глаза.

– Да мне просто сил не хватило, извините, пожалуйста, – пролепетала я.

– Ладно, но на кинологические курсы все равно тебе надо. А вот собака у тебя классная, – защитник перманентно проверял, сколько новых синяков проступает на руке за время одной сказанной им не вполне логичной фразы.

Точно в этот момент Радка рыгнула – да так неприлично громко, что слышно было и на другом конце площадки. Вопрос о кинологических курсах застыл на моем языке и камнем упал с него. С соседнего дерева камнем упала ворона.

– Да, Рада, культура так и прет! – восторженно отметил защитник, но сразу продолжил: – А если бы у меня на руке не оказалось рукава?! Ты понимаешь, что этот начальный, средней жесткости, защищает не на сто процентов? Вон че творится! Скажи спасибо своей собаке – она тебя уже сейчас сможет и в реалке защитить.

---

<sup>5</sup> Стек – гибкий упругий прут в кожаной или резиновой оплетке; используется для формального обозначения ударов по собаке во время задержания ею фигуранта-злоумышленника.

М-да, как рыгнет – все разбегутся, да еще и птицы с деревьев попадают на головы бандитам.

После этого несанкционированного покуса, как ни странно, бонусом мы получили уважение от защитника. И общий прогресс пошел вперед семимильными шагами.

Будто в подтверждение слов своего тренера, через каких-то полчаса Радка отогнала от меня пьяных, испытывавших непреодолимое желание познакомиться в парке по дороге к остановке. Пусть отогнала просто лаем с короткого поводка, но результаты работы, видимые в естественной среде обитания, приятно грели душу.

Вверх по горке отчаянно карабкались двое подданных мужичков.

– Как думаешь, собака злая?! – громко задал один другому риторический вопрос.

Ответ последовал незамедлительно:

– Конечно, но девушка, наверное, гораздо злее!

Тогда они еще не догадывались, насколько правы.

На полянке Радка легла передохнуть. Я достала из сумки сыр, который на занятии не пригодился, и уже готовилась совершить преступление века – отдать его собаке просто за красивые глаза.

– Ну фее, иду приставать! – послышалось как гром среди ясного неба.

В нашу сторону маршировал один из пьянчужек-скалолазов.

– Ну не приставай уж! Куда почапал! – прикрикнул его товарищ, уже вполне обустроившийся с бутылками на соседней лавке.

Я забеспокоилась: сейчас достанется либо пьянчужке, либо нам. А Рада лежит – и ни с места.

– Такая девушка красивая, ну как тут не пристать?! – с этими словами пьянчужка протянул Раде стаканчик, до краев наполненный пивом.

Радка не спеша встала, понюхала ему руку, затем стаканчик. Все это ей не понравилось, и она гавкнула. Второго раза не потребовалось. Молодца как ветром сдуло, только вот его стаканчик одним неверным движением опустел одновременно с «Гав!».

Над парком повис огненный закат, исчерченный полосами от самолетов, словно мелками. Мы устало брели по дорожке к остановке. Я радовалась провисшему поводку у меня в руках. Любуясь бесконечным акварельным разнообразием сюжетов закатного неба, я чувствовала себя в картинной галерее на открытом воздухе. Полной грудью вдыхала сладкий воздух, поднимающийся от нагретых за день дорожек. Позади осталась защитно-караульная служба, а также темные личности, создававшие удачный контраст полному умиротворению этой благодатной минуты.

Из-за поворота показались усы троллейбуса – и мы побежали. Но та минута провисшего плетеного поводка, несомненно, успела отложиться в копилке души.

## Собако-Барбара, или Маленький рассказ о большой любви

Я не знаю, что Рада нашла в нем. Он был патлат, кудлат и, по правде говоря, напоминал гиену, которая сунула лапу в электрическую розетку. Полюбила за красивые глаза? Но их наличие ставилось под сомнение – мало того, что они безнадежно терялись в спутанной жесткой шерсти, так еще и не смогли разглядеть настоящий бриллиант – бриллиант по имени Рада.

– Ча-а-арли! – протяжный позывной хозяйки доносился будто бы с другого конца района.

Чарли еще пару секунд, выпятив грудь и виляя кончиком поднятого вверх обгрызенного хвоста, красовался перед обезумевшей от любви Радкой.

– Ну, увидимся, детка. – Чарли ободряюще ставил лапку Раде на плечо, после чего исчезал даже быстрее, чем появлялся.

Рада вздыхала и отряхивалась от песка и мелких веточек, которые нацепляла, пока елозила перед объектом своей безудержной любви. Остаток прогулки она выглядела задумчивой и ушедшей в себя. Своих однопородников Рада, кстати, категорически не жаловала.

По человеческим меркам Чарли уже давно вступил в бальзаковский возраст. Но Рада считала это скорее плюсом и полностью теряла рассудок при виде великовозрастного разгильдяя с вихрами на спине и ветром в голове. Каждую встречу тот обещал, что уж в следующий раз они обязательно отправятся в закат. Только он и она. Не удивлюсь, если в будке Чарли стоял старенький Харлей.

– Ууу-ааа-ууу! – леденящие душу мотивы оглашали окрестности прохладными лунными вечерами. Чарли в действительности не нужны были никакие закаты, ему вполне хватало полной луны в полном одиночестве.

– Ууу-ааа-ууу! – с расстояния в несколько сотен метров Чарли перебирал струны юной Радиной души. Рада замирала; одинокий диск луны отражался в ее глазах уже в двух экземплярах. Даже луна – и та с парой.

Но однажды за спиной Рады возник Он. И нет, не Чарли.

На длинных телескопических ножках громоздилась обтянутая белой шкуркой сплюснутая бочка. Массивная шея завершалась хрупкой и абсолютно несоразмерной остальной конструкции мордочкой, на вершине которой ходили ходуном газельи ушки. Ростом этот прикол природы превосходил Раду раза в полтора. Он был даже смешнее своей тени в свете полной луны.

Рада обернулась – и обомлела. Таинственный незнакомец еще даже не поздоровался, а Рада в своих мыслях уже сыграла свадьбу и родила десятерых детей. Какая фактура! Ничто больше не имело значения. Образ Чарли безвозвратно удалялся с жесткого диска Радиной памяти.

Из-за угла показалась хозяйка неведомой зверушки. Мы с мамой еле сдержались, чтобы тотчас же не подбежать к ней с одним-единственным вопросом. Наконец она сравнялась с нами.

– Ну что, Бэлл, нашел себе невесту?

– А чья он помесь?! – только и выдохнули мы.

– Бэллушка-то? Грейхаунд и немецкий дог, – хозяйка как бы невзначай ответила на привычный вопрос.

Рада с Бэллом уже смешно припадали к земле, приглашая друг друга играть. На попе абсолютно белого пса красовалось единственное черное пятно – будто он сел на окрашенную лавочку.

Собаки кружились в любовном танце, когда послышался странный тоненький писк. Это был Чарли. И он все понял.

– Детка, я все решил! Собирайся, мы отправляемся на край земли! Теперь мы вместе навсегда! – Чарли не хватило совсем чуть-чуть, чтобы успеть произнести это вслух.

Но Рада его даже не замечала. Чарли стоял неприкаянный, как одинокий гриб в лесу, выглядывающий из-под листика. Он еще раз попробовал приблизиться – но могутное тело Бэлла издало утробное рычание. Казалось, маленькая длинная мордочка здесь вообще ни при чем.

– Ууу-ааа-ууу-ууу! – неслоь где-то вдалеке, становясь все тише. Пусть Чарли и не успел оказаться в нужное время в нужном месте, но он определенно был готов написать новые песни до следующего полнолуния. Несчастливая любовь – спонсор творчества и двигатель прогресса на все времена. Тоже нужные вещи.

## Ну, точно будешь кинологом!

– Офигенно! А-фи-ген-но!

Защитник снимал на телефон наше с Радой хождение рядом.

– Вот, буду теперь всем клиентам демонстрировать как образцово-показательное!

Я ходила по площадке будто бы во сне – а в ушах звучал Моцарт. Рада плыла рядом, не отводя от меня глаз и ловя каждое мое движение. Еще месяц назад такое выполнение казалось мне недостижимым.

– Ты заметила хоть, что сама стала правильно двигаться? – защитник с видимым удовольствием закурил. – А то раньше ходила, будто в тебя кол вставили!

Мы разговорились, и я между делом поведала, что вчера гуляла с собакой два часа в парке под дождем.

– С дождевиком? – тоже между делом поинтересовался защитник, туша сигарету о лежащий на обочине кирпич.

– Нет, – посмеялась я.

Защитник выпрямился:

– Ну, с зонтом?

Я покачала головой.

– Прямо так, что ли? – воскликнул он.

Я закивала сквозь смех.

– Ну, точно будешь кинологом!! – защитник все равно нет-нет, да смотрел на меня, как на инопланетянку.

– Иногда и в нормальной семье рождается собачник! – ответила я ему своей любимой фразой<sup>6</sup>.

– Да, кстати, – вспомнил вдруг защитник. Я уже почти прицепила к Радиному ошейнику поводок, но при слове «кстати» карабин шелкнул мимо кольца. – Я тут заметил: ты почти перед каждой командой говоришь собаке «Та-ак!» – защитник вернул меня с небес на землю.

Я покатила со смеху – век живи, а всегда узнаешь о себе что-то новое, когда на тебя посмотрят со стороны.

– О, подожди, я ж сегодня свою овчарочку взял с собой! Сейчас приведу, посмотришь нашу послушку! – защитник метнулся к вольерам. Пусть мы с Радой и показали класс, так что выше только звезды, но защитник определенно причислял себя к последним.

Из вольера вылезло что-то маленькое, рыжее и скукоженное. Постепенно оно распрямилось, и я узнала в рыжем существе немецкую овчарку. Она непрерывно суежилась и поскуливала, бегая небольшими кругами и восьмерками. По завершении очередного цикла собака заискивающе подбегала к защитнику, снова становясь маленькой.

– Знакомься, это Цилли!

– Очень приятно. А почему она бежит с прижатыми ушами? – спросила я для общего развития.

Защитника этот вопрос будто бы застал врасплох:

– Да потому что она твою хочет сожрать, а я не разрешаю!

Мы с Радкой лишь удивленно переглянулись.

Защитник походил с овчаркой рядом – в целом неплохо, но иногда та подвисала и при повторной команде резко выбегала чуть вперед, еще сильнее прижимая уши.

Но во время демонстрации комплекса я уже не удержалась:

– А это у нее «сидеть» или «стоять»?

---

<sup>6</sup> Автор фразы – Е. Цигельницкий.



Собака скованно стояла на полусогнутых. Что «сидеть», что «стоять» на расстоянии выглядели у нее почти одинаково.

Защитник ответил испепеляющим взглядом. Но затем выдавил:

– Это – «стоять».

Я не стала больше ничего говорить – и так понятно, что Вселенная спустя месяц восстановила равновесие.

После импровизированных показательных выступлений мы, как ни в чем не бывало, продолжили занятия по защите. Но теперь защитник в принудительном порядке склонял меня к покупке для Рады «строгача» – такого железного ошейника с рядами тупых шипов.

Не знаю, была ли это месть за провал Цилли, но защитник не унимался:

– Да, у Рады отличное ОКД. Но когда у нее в поле зрения возникает рукав – сама видишь, она вся там. Это не дело. Купи строгач завтра же.

Мы препирались, наверное, целый час. Очевидное неравенство сил в итоге вынудило меня признать поражение.

– Возьми, не пожалеешь! Тем более, она у тебя тянет поводок!

Я мяла в руках Радину шлейку и чувствовала ком, подступающий к горлу.

Следующим вечером мы расположились посреди комнаты – я, Рада и строгач. Ведь мне дали партийное задание научиться его застегивать. Раз за разом я пыталась скрепить тугие звенья на шее не подозревающей о подставе Рады. У меня уже немели пальцы, а чувство вины зашкаливало, когда я свернула строгач в клубок и в слезах от души запульнула в противоположный конец комнаты. Он ударился о шкаф с посудой, и мы с Радой еще несколько минут сидели, обнявшись, под звук дрожащих в шкафу тарелок.

На следующий день я ехала на площадку с твердым намерением подарить строгач защитнику.

Шел конец мая, и в троллейбусах царил духота. Не спасали даже пара окон, открытых с риском быть загрызенными теплолюбивыми бабулками.

У Рады от жары текли слюни, и она натуральным образом оплевывала пространство вокруг себя. Сквозь годы помню те взгляды: сначала удивленные на пол, затем полные осуждения – на меня.

– Девушка, а вы знаете, что собаку нельзя везти без намордника? – вдруг прицепилась тетка с соседнего сиденья. С духом она собиралась не меньше десяти минут.

– А она разве вас трогает? – бесстрастно поинтересовалась я. Не хватало еще в такую жару напаять намордник. – Она на вас даже не смотрит.

– Нет, но может! А с вас потом штраф возьмут за такое, и не одну тысячу рублей! Это я вам из доброты говорю, если что! – в троллейбусе брызнула слюной уже не только Радка.

– В таком случае, коли начнется проверка, я надену.

Тетка, было, открыла рот для новых возражений, но в разговор вмешался мужчина.

– Вы чего пристаёте к ребенку?! – рявкнул он. – Собака вас трогает?!

Тетка так и застыла с открытым ртом.

– Она вас трогает?! – повторил мужчина.

– А, а, не-е-т, – пролепетала зачинщица.

– Собака воспитанная, дрессированная – не видите, что ли? – мужчина продолжал наступление.

– Да я, я... из хороших ведь побуждений!

Уверена, самым большим желанием тетки было выпрыгнуть из троллейбуса на ходу.

– Тоже мне страна советов! Все, чтоб вы отстали от ребенка, чтоб я больше не видел, как вы докапываетесь!

– Да ведь это уже никакой не ребенок, это девушка! – тетка сделала отчаянную попытку пробить оборону, но встретила с такими взглядами – моим, Рады и мужчины, – что остаток

пути уже сидела не шелохнувшись. Сказала бы я мужчине, что у меня в сумке лежит строгач, все бы закончилось еще интереснее.

На площадке защитник срезал на корню все мои доводы против строгача и практически насильно заставил надеть его на Радину шею. Мои дрожащие пальцы соскальзывали с этих чертовых звеньев, так что так называемого успеха я достигла только со второго десятка попыток. Оставался ровно год до того дня, когда мы с Радой в одночасье перепрыгнули из феодального строя в процветающий капитализм – а именно стали заниматься с кликером<sup>7</sup> по наводке тренера по фризби, отправив строгач в помойку. Но тогда, застегивая строгач, я и не подозревала о существовании такого простого волшебства, как кликер.

Строгач, кстати, действительно помог нам в плане послушки при сильном отвлечении фигурантом в рукаве. Но вот тем же вечером Рада, несмотря на строгач, распрекрасно вытащила меня из троллейбуса и прямо со ступенек перемахнула вместе со мной через небольшой заборчик. После этого прыжка ошпаренной газели в моем исполнении, грешным делом вспомнила я древнего дедушку из нашего района с метисом овчарочки, о которой он говорил: «Вотутянет меня на Ваганьковское!»

Таким образом, мы оставили строгач в основном для ЗКС, и хорошо, что защитник хотя бы научил меня с ним грамотно обращаться, чтобы процент неприятных для собаки ощущений близился к нулю.

---

<sup>7</sup> Кликер – любое устройство, издающее звук щелчка («клик») при использовании. Обычно – маленькая пластмассовая коробочка с железной пластинкой внутри. Иногда пластинка дополняется удобной для пальца кнопкой. Щелчок мгновенно маркирует то действие собаки, которое хочет закрепить дрессировщик. У собаки щелчок связан с приятным предвкушением игрушки или лакомства. Кликер-тренинг – дрессировка на положительном подкреплении.

## **Что общего между злоумышленником и африканским вождем**

Уже ближе к осени Рада вышла на новый уровень – работы на скрытую защиту. Мы с мамой старательно перерыли весь гардероб в поисках старых кофт и рубашек для защитника. Их он натягивал поверх специального защитного рукава, чтобы максимально приблизить свой облик к тому, что встречается в темных лесах и не менее темных подворотнях. Рада работала зверски, так что уже в начале тренировки защитник стоял в лохмотьях, напоминая вождя какого-нибудь африканского племени. Дополнительную убедительность придавал зажатый в руке, словно посох, стек.

Рада хорошо переключалась, и после сеанса пожирания злоумышленника мы невинно ходили рядом. Один раз мы увлеклись и отошли дальше, чем требовалось. Из астрала меня выдернул чей-то истерический хохот – это мимо африканского вождя проехала машина с компанией парней, которым пришлось даже прижаться к обочине, чтобы прийти в себя.

С каждым занятием Рада нравилась защитнику все больше. Мы уже начали отрабатывать сложные эпизоды нападений вне площадки и готовиться к сдаче ЗКС, как случилось то, чего не ждали. Защитнику понадобилось покинуть Москву на неопределенный срок по семейным обстоятельствам.

Незадолго до этого я поделилась с ним, что хочу начать заниматься с Радой фризби.

– Ха-ха-ха! Это чтобы было кому занимать последние места?! Немецкая овчарка и фризби несовместимы!

Тогда я подозревала, что он неправ. Но никто не мог и подумать, насколько.

ЗКС мы сдали только спустя три года. Все эти годы я находилась в безуспешных поисках нового инструктора – взяв единожды определенный уровень, я не хотела опускать планку. За это время мы попробовали заниматься с инструктором, рекомендованным знакомыми, но он боялся не то Радку, не то меня, а может, и обеих разом. Рада относилась к нему крайне скептически и, похоже, вообще не считала достойным серьезных мер в своем исполнении. «Пирожок без ничего» – так и сказала.

Гештальт закрылся неожиданно: я увидела работу кинолога Васи, в чьей группе ОКД стажировалась на площадке в качестве инструктора. Увидела и поняла: это то, что нам нужно. Всего за полтора месяца Вася не только заставил Радку вспомнить былое, но и открыл в ней новые грани. В плюс пошел еще и зрелый возраст Рады – ее внутренняя уверенность к тому времени прокачалась на 99 %. В начале июня 2009-го мы сдали ЗКС на полностью заслуженную первую степень, но самым ценным были слова Васи, полностью повторявшие слова его коллеги, сказанные за три года до того: «Эта собака тебя защитит».

«И я ее защищу», – ответила я мысленно.

## Как черный кот до греха довел

Дело было в светлый праздник Троицы. Я, сидя на лавочке, мирно читала книжку про каких-то очередных пушистых зверьков, мама с бабушкой занимались садом. Тут из-за угла сарая вырулил наш Максим и какой-то не свойственной котам походкой, вжавши голову в плечи и нервно озираясь по сторонам, направился по дорожке к дому. Казалось, он по колено в шоке, но позже выяснилось, что не только в шоке... Вдоль вымощенной плиткой дорожки за котом тянулась прерывистая линия каких-то темных капель.

Меня это настолько заинтриговало, что, когда кот воровато прошмыгнул в дом, я побежала к маме и бабушке делиться наблюдениями. В надежде познать непознанное, мы просто-душно вошли на террасу. Тут-то все тайное стало явным!.. Нет, ошибиться было невозможно: в доме стоял спирающий дыхание запах выгребной ямы дачного туалета. Капли нахально пересекали столовую и продолжались на лестнице. Наверху кот, все еще тяжело дыша, но уже вполне обнаглев, возлегал прямо посреди моей кровати.

Для построения цепочки причинно-следственных связей момент был явно неподходящий, требовались радикальные меры. Бабушка схватила кота под мышки и поспешила выгнать из дома. По пути, на крыльце, стояло ведро с «Фэйри», грешно приготовленное для уборки в не полагающийся для этого праздничный день, полное переливающейся на солнце пены. Судьба. Отметив про себя, что ее атеистические убеждения пригодились в хозяйстве, бабушка подбежала с котом к ведру и от души окунула его туда по пояс пару раз. Максим Максимыч, хоть и был по этот самый пояс в... том самом, все равно оставался гордым и независимым. Вырвавшись из рук, он понесся вглубь сада, обиженно выкрикивая на ходу отборные кошачьи ругательства.

Судя по всему, Макс, как обычно, разгуливал в тети-Нинином саду, и там за ним погнались ее собаки. От них он догадался спрятаться не где-нибудь, а в домике-туалете, стоявшем в углу сада. Бесспорно, молодец и герой, но, видать, чуть-чуть не рассчитал и свалился в яму... Хорошо, что только по пояс! Весь последующий день мы провели за уборкой, словно пионеры за сбором картошки. Максим умудрился довести до греха даже верующих меня и маму.

Три дня мы ничего не знали о нашем чудеснике. Уже успели не только начать беспокоиться, но и почувствовать себя отъявленными котомучительницами. Думали, кот настолько обиделся, что уже не вернется... Спустя трое суток послышалось мявканье блудного Максима Максимыча. Пожаловал к нам как ни в чем не бывало – подозрительно сытый и еще более подозрительно чистый.

Если второе и удивило, то первое скорее все же нет: Мася – профессиональный мышелов. В эти три дня он доказал нам, что прекрасно справится и сам, как и подобает Коту, который гуляет сам по себе, – такому, каким его задумала природа. А к нам вернулся лишь потому, что не представлял себе, как мы без него мышей ловить будем. Так и сказал.

Но не всегда наше вопиющее поведение по отношению к Максиму Максимовичу сходило нам с рук.

На мой день рождения мы решили уехать в Москву, где можно было позвать побольше гостей. Я настояла на том, чтобы Мася в эти два дня остался дома, а не разгуливал по полям, так как опасности нападения тети-Нининых и других праздношатающихся собак никто не отмечал. Мама возражала, бабушка совсем уж откровенно противилась, осыпая меня аргументами против. Но все же отдала ключи соседке тете Гале, чтобы та каждый день подсыпала в Масину мисочку сухой корм и меняла воду. Мисочка стояла на первом этаже, так что на второй, где находился Масин туалет, соседке заходить было без надобности.

Максим встретил нас ну очень возмущенным взглядом и прямо-таки неприличным криком. Мы, ни сном ни духом ничего не подозревая, поднялись на второй этаж положить сумки.

А там нас ждал сюрприз, придуманный изощренным кошачьим умом. На каждой кровати, выверенная ровно по центру, лежала ароматная кучка. Мою кровать украшала, пожалуй, самая высокохудожественная. А запах...

– Мась, да ты же, вроде, не ел столько, чтобы вот так на все кровати-то хватило? – заметила я. В любом случае, нас ждала очередная уборка. Максим лишь саркастически наблюдал с лестницы, как бабушка вешает выстиранные покрывала на бельевую веревку. Да уж, «самовыражение достойно уважения».

## У страха глаза велики

Дядя Вася, настоящий полковник на пенсии, был широко известен в узких кругах нашей деревни. Прежде всего – как самоотверженный борец за свободу русских полей от треклятых колорадских жуков. И хоть «русские поля» ограничивались дяди-Васиными огородами (правда, в количестве аж четырех штук), с лица полковника не сходило осознание всей важности проводимых мероприятий. Каждый божий день, резво прискакав на кавалерийских ножках к своим участкам, дядя Вася в смешной выцветшей кепчонке, которая, по моим прикидкам, была как минимум ровесницей полковника и многое пережила в жизни, принимался за дело. Колорадские жуки и их личинки в панике прятались под листья, стоило им завидеть вдалеке его неизменные красные шорты, вероятно, сшитые из какого-нибудь оставшегося без присмотра советского флага. Но вредители, однако, плохо знали своего противника. Полковник отличался последовательностью и хладнокровием.

Час за часом дядя Вася хищно обходил грядку за грядкой, держа в руке большую банку из-под краски. Он поднимал каждый картофельный листочек и с укором смотрел в глаза каждому без исключения колорадскому жуку, прежде чем отправить его в злосчастную банку. От этой банки шла плохая энергетика – особенно она чувствовалась тогда, когда дядя Вася, воровато озираясь, нес жуков к бетонным плитам на углу нашего участка. Чтобы там, в интимной обстановке, навсегда покончить с ними (не прекращая, однако, озираясь). Полковник уходил, оставляя после себя картину, которую я невольно сравнивала с видом поля боя после кровавого сражения с высоты птичьего полета.

Дядя Вася был в хорошей форме – ведь он упражнялся в остроумии сутки напролет. Особенно он любил подловить мою бабушку у колодца. Опершись о край и с интересом наблюдая, как та набирает воду, он заводил:

- Что, Натали, денег много, такую скотину завели? Ее ж не прокормить!
- Чего она лает, когда я мимо хожу? Должна уже знать меня!
- Вы бы ей дома намордник надевали, а то, глядишь, и вас сожрет, раз такая злобная!

Бабушка, как ни в чем не бывало, продолжала набирать воду, в лучшем случае отвечая полковнику снисходительным взглядом. Чего тратить энергию зря.

Но однажды судьба сыграла с настоящим полковником по-настоящему злую шутку. Я отправилась кататься с Надькой на велосипеде, на что Рада отреагировала ну очень возмущенным воем. Обычно она отпускала меня спокойно, но в этот вечер у нее, вероятно, имелись на меня серьезные планы вроде прятков или игры в мяч. Мы с подружкой довольно быстро объехали деревню и вернулись на наш хутор. Еще издали я с удивлением заметила выбежавшую из проулка на шоссе овчарку, которая нервно озиралась по сторонам. «Ничего себе, какая классная овча...» – уже то ли позавидовала, то ли возмутилась я... но тут с ужасом признала в ней Радку.

– Рада, Рада! – заорала я, благодаря судьбу за то, что успела подъехать прежде, чем случилась какая-нибудь беда. Рада выглядела то ли виноватой, то ли довольной, но больше второе. Я же не могла понять, каким образом она умудрилась здесь оказаться.

Однако мои размышления вмиг прервала следующая картина: у колодца, скованный первобытным ужасом, восковой фигурой застыл дядя Вася. Из штанин красных шортов хлестали потоки воды. Чуть в стороне на земле валялась на боку его 80-литровая пластмассовая канистра, будто бы свидетельствуя о том, что здесь только что произошло нечто ужасное. Из нее, словно из истока Волги, прямо под забор тете Нине текла полноводная река, по которой было бы не грех организовать интенсивное судоходство.

Опрос очевидцев показал, что Рада умудрилась самостоятельно отпереть калитку и что было мочи помчалась по моим следам в лучших традициях Спасателя Марабу<sup>8</sup>. Дядя Вася, набравший воду из колодца, завидев несущуюся на всех парах овчарку, немного перепутал ее с тираннозавром и решил, что вектор движения монстра пролегает точно через точку, где в данный момент имеет несчастье находиться его персона. Смелость дяди Васи была скорее обратно пропорциональна высокому званию, но все же понять и пожалеть полковника можно. Одно неверное произвольное движение в попытке спастись – и вот уже плоды длительной напряженной работы растекаются по дороге. А жуткая овчарка, обдавая несчастного брызгами и даже не заметив его, бежит дальше.

Несмотря на потерянные водные ресурсы, нервные клетки и годы жизни, дядя Вася, держу пари, был счастлив. Счастлив, что хотя бы остался в живых и еще сможет на своем веку пособирать колорадских жуков. А вот последние счастья явно не испытывали.

---

<sup>8</sup> Почему именно «Спасатель Марабу»? Узнаем чуть позже.

## Незаурядность одного отдельно взятого переезда

На полу нестройными шеренгами стояли многочисленные сумки, а впереди, в роли командира роты, – кошачья переноска, содержащая в себе орущего Масю. Вечерело, и по-осеннему пронзительная прохлада, пахнувшая переспелыми подмороженными яблоками, неумолимо вытесняла тепло, накопившееся в воздухе от ослабшего, будто подхватившего осеннюю простуду солнца. Мы с мамой со все возрастающим нетерпением ждали, когда на плитах, наконец, затарахтит мотор Ваньки-таксиста. Но слышны были только проклятия, изрыгаемые из Мasiной обители.

Нашу с мамой радость по поводу так качественно и вовремя упакованных сумок медленно, но верно сменяли тревожные предчувствия. Они все усиливались по мере того, как раз за разом пытаюсь дозвониться Ваньке-таксисту, мы слышали в трубке лишь безжизненные гудки. На какое-то время телефон становился недоступен, затем вдруг занят, но нас так и не удостоили ответом. Обратного звонка и тем более машины мы также в этот романтичный вечер не дождались. Наконец нам с мамой пришлось признать: наш горе-таксист цинично променял перевозку сумасшедших баб с собакой и орущим котом на какой-нибудь более солидный вариант.

Нормальные люди в такой ситуации решили бы, что утро вечера мудренее. Но Ванька-таксист взбесил нас настолько, что остановить своего внутреннего бегущего бизона мы уже не могли. Единственным рациональным аргументом против ночевки на даче была необходимость разобрать некоторые из высокохудожественно упакованных сумок, а также выпустить чудом пойманного в переноску кота. Сумок насчитывалось, кстати, страшное количество, достойное фильма ужасов, а то и не одного.

Сосед дядя Вова в некоторой степени выручил нас, подбросив до железнодорожной станции. При этом, правда, всю дорогу отчитывая за то, что мы, словно зоопарк на гастролях, забили его драгоценную машину своими кулками и животными. Да еще и кот у нас какой-то неправильный, раз так громко орет. Пришлось скрепя сердце поведать соседу правду: это у него неправильная, маленькая машина, а крики кота свидетельствуют о превышении скоростного режима, так как Максим по одной из своих многочисленных профессий – кот-гаишник.

По прибытии на станцию дядя Вова помог нам навьючиться сумками, окинул напоследок однозначным взглядом и с облегчением укатил.

Мы жили так уже несколько лет и воспринимали подобные трудности как нечто должное и неотъемлемое. Снова и снова, год за годом мы находили силы смеяться над самими собой в такие моменты. Хотя иногда и хотелось растянуться прямо где-нибудь посередине платформы лицом вниз – чтобы вдруг кто-то потрогал тебя за плечо, и этим «кем-то» оказался мужчина, совсем не обязательно принц, но обязательно искренне желающий поупражняться в таскании твоих сумок.

У нас с мамой наблюдалось разделение труда. Я вела Радугу, на спине у меня болтались сразу два рюкзака, левую руку неумолимо оттягивали вниз сумка и пакет; разница с маминой поклажей заключалась только в собаке вместо кошачьей переноски у нее.

На адреналине и на энергии сопротивления мы не особо страдали от таскания тяжестей и шутили, мол, все свое ношу с собой. Никто, конечно, не стремился нам помочь – нас просто обходили на безопасном расстоянии, особенно большую дугу закладывали мускулистые мужчины.

Уже затемно мы ехали в электричке, и я с торжеством смотрела на пролетающие за окном огни. А вид людей с маленькими сумочками и вовсе вызывал у меня необузданное чувство собственного превосходства.



На станции «Беговая» я успела в лучших традициях мировой разведки проскочить мимо стаи бездомных собак, прикрыв Раду сумками, благо их насчитывалось достаточное количество для такого смелого маневра.

В вагоне метро нашими соседями, ввиду позднего часа, стали сплошь подозрительного, а то и вовсе экстравагантного вида личности. Но все они померкли, когда в вагоне появились мы – мы сразу стали подозрительными в глазах подозрительных личностей, экстравагантными – в глазах экстравагантных и двумя типами сразу в глазах немногочисленных нормальных людей.

Тем не менее, собрав рекордное количество взглядов, мы все же успешно дотащились до квартиры в начале двенадцатого. И не могло быть ничего прекраснее в тот вечер, чем поставить все наши сумки в квартире на пол и выпустить из переноски Максима Максимыча – несомненно, самого уставшего члена нашей компании.

## **Мои сверхновые**

Три взрыва сверхновых за одну неделю – много для персональной Вселенной любого человека. И тем более для моей Вселенной того времени, которая вела крайне размеренное существование.

В конце сентября 2006 года мою жизнь озарили сразу три ослепительные вспышки. Они ознаменовали конец чего-то старого, отжившего и начало нового, неизведанного и будоражащего. Каждая из этих вспышек сопровождалась колоссальным выбросом энергии. Этой энергии хватило на много лет; все эти годы она притягивала в мою жизнь целые созвездия людей и яркие кометы событий.

## Несостоявшаяся секта

– Игорь! Игорь, слышишь? Поддай вон тот нож!

Я стояла в кругу из тридцати мужиков. Они молча смотрели на меня. Пристально и беззлобно, с долей интереса – так, бывает, волки смотрят на свою добычу.

– Да не тот! Возьми большой! Он всяко поудобнее будет!

Казалось, у меня способны шевелиться только волосы на голове. Все остальные части тела будто парализовало. Я всегда была не робкого десятка, но тут намертво вросла в землю. Точнее, в деревянный пол спортзала.

За несколько секунд до этого мужики закончили читать молитву, по всей видимости, полагавшуюся перед началом тренировки. От неожиданности и испуга я совершенно не признала «Отче наш», и теперь каждая секунда отдавалась у меня в голове отчаянным звоном: «Секта, я попала в какую-то секту!»

– Держи, лапа! Как дела, все хорошо? – на фоне всей этой неподвижной картины суетился только крепкий приземистый мужичок, он же тренер. Суетливость и неутомимость странно сочетались в нем со сдержанной внутренней силой и безмятежным благодушием, которого я пока что не осознавала.

– Да... – не слишком убедительно промычала я, нащупывая взглядом путь к отступлению.

Сердце замирало, затем перебегало из груди то в одну, то в другую пятку и, чуть отдышавшись, возвращалось обратно. Бежать, бежать!

– Может, тебе водички дать? Конечно, у нас тут в подвале душно! – мужичок не стал дожидаться моего утвердительного ответа и схватил здоровую бутылку воды. Старательно выкручивая тугую крышку, он встал точно в проходе, перекрыв мне тем самым единственную возможность бегства.

Мне же было ужасно горько и стыдно. Пришла в какой-то подвал, словно овца на заклание. Сгубила себя, такую еще молодую, да так глупо! Секта с ножами, что может быть хуже?! А могла бы в ближайшую субботу поехать на первую настоящую фризби-тренировку с Радой... Мама с бабушкой даже не узнают, где я. И как они без меня?!

– На, попей! Только сегодня из Тверской области привезли! – тренер щедро наполнил огромную кружку до краев. Столько я обычно пью дня за два. – Освященный родник, между прочим! Там к нему очереди – ух! – он пытался вывести меня из анабиоза, но пока безрезультатно.

– Я это... просто посмотреть пришла, мне, наверное, пора, – я вытянула шею в сторону такого манящего выхода. Надежда умирает последней.

– Ну и молодец! Сама нас нашла, позвонила, на следующий же день приехала. Уважуха и почет! Ты пей-пей! – мужичок буквально вложил кружку мне в заостренные руки. – А вы, парни, разбирайте пока ножи, работать будем!

Прильнув онемевшими губами к кружке, я послушно, глоточек за глоточком, осушала ее под выжидающим взглядом мужичка. Руки предательски дрожали, и я собирала последние силы, чтобы ничего не расплескать. Мало ли, может, здесь за такое ухо, к примеру, отрезают.

– Давай, Славка, слышь, вставай в спарринг с Ксюхой, – теперь тренер дал мне в правую руку нож. Я решила, что на всякий случай лучше взять.

Глядя на Славку, я поперхнулась последним глотком воды. Почти на голову меня выше, и это еще тренер подобрал самого низкого.

– Я это... ну как... пора мне, вот что... спасибо, – маленькими приставными шажочками я последовательно пробиралась к выходу, стараясь не встречаться ни с кем взглядом.

– Ксюха, чашку-то положи, чего с ней шастаешь?

Я с ужасом обнаружила зажатую в одной руке чашку и нож – в другой. Драгоценные секунды на пути к спасению безвозвратно утеряны.

– Поехали! – дал команду тренер. – А ты, Ксюха, пока работай медленно, в комфортном для себя темпе, – добавил он, когда Славка молча пошел на меня с ножом.

– Ну, уходи, уходи, уворачивайся! – кричал тренер. – Давай, Ксюха, работай!

Я была поставлена в такие условия, что выбор отсутствовал в принципе. Но именно в этом крылся какой-то особый драйв, сила момента, проверка силы духа.

Славка работал ровно и как-то, я бы даже сказала, вежливо. Его движения выглядели плавными и, насколько уместно, спокойными. Почувствовав вдруг на своем боку легкий, но однозначный укол ножа, я, наконец, очнулась.

– Вон, смотрите, что девка творит! Юркая, однако! Славка, а ну поднажми!

Мы со Славкой кружили в своеобразном танце орла и ласточки. Пусть местами я работала не слишком убедительно, но общая картина смотрелась целостно и довольно гармонично. Тот первый спарринг безо всякого опыта стал одним из лучших спаррингов с ножами за все годы моих тренировок. Жизнь заставила.

– Ну вот, другое дело! – тренер хлопнул в ладоши, что означало перерыв. – Парни, смотрите, Ксюха теперь хоть на человека стала похожа! Щеки какие румяные, ух! А то пришла – бледня бледней!

Тогда в мою голову начали закрадываться подозрения, что я здесь надолго. Вот так, хотела просто походить на курсы по самообороне, чтобы не отставать от Надьки, а получила несоизмеримо больше. Выйдя из троллейбуса, в котором провела на обратной дороге добрых сорок минут в размышлениях у окна, я уже твердо знала: в ближайшие годы мне по пути с этими ребятами.

Тренер, Миша, не только оказался одним из лучших мастеров русского рукопашного боя в России, но и стал впоследствии моим добрым мудрым учителем и советчиком на хитросплетениях жизненных троп. Отдельного уважения заслуживала его способность создавать здоровую и доброжелательную обстановку в большом коллективе. В очень разношерстном коллективе с постоянной текучкой.

Я быстро превратилась в матерую сестру полка, оберегаемую своими многочисленными братишками и старшими товарищами. Среди них были и скромные инженеры, и лихие парни из девяностых, и устрашающего вида дяди-шкафы, и интеллигентные пенсионеры. Но все относились ко мне с одинаковым кротким уважением; всегда радовались возможности заступиться, защитить, дать нужный совет с мужской колокольни.

А перед началом каждой тренировки мы читали «Отче наш», и я иногда нет-нет да и думала о том, что у страха глаза велики. Неплохо все-таки смотреть дальше первого впечатления, каким бы оно ни было, – кто знает, что кроется вне зоны видимости. Возможно, там тебя ждет большое счастье – нужно просто не забыть вовремя сделать вдох-выдох. И поставить чашку.

## Поза ласточки и летающие челюсти

– Опять эта поза ласточки! Ксюша, зачем ты наклоняешься?

Тренер Катя ругалась, держа одной рукой диск, а второй – мою ногу. Рада с другим диском в замешательстве бегала вокруг.

– Корпус ровно! Рука смотрит на цель! Ну вот, опять ты за свое! Ну Ксюшка!

Я уже полгода считала себя звездой дог-фризби, пусть и локально-паркового масштаба. А тут, на другом конце Москвы, меня быстренько низвели до нерадивого дошколенка. Эдакого несмышленища, пусть и вроде как перспективного. А все потому, что я бросала диск, стоя в странной, непрофессиональной позе – «позе ласточки», наклоняясь вперед и поднимая вверх левую ногу в лучших традициях мирового балета. Да и Радугу высылала за диском без обхода, что в мире российского дог-фризби считалось вообще моветоном. И если собака обучилась новому навыку буквально за пару минут, то со мной тренерский состав ждали реальные сложности.

Несмотря на то что меня журили уже больше получаса, я чувствовала себя просто космически счастливой. Вот ведь странности: на рукопашке меня хвалили и всячески пытались приободрить, а я лишь чудом вышла из продолжительного анабиоза. Зато здесь, выслушивая Катину тираду, я пребывала в экстазе – ведь я попала в мир Большого Фризби. Словно выплыла в океан на самодельной лодочке по маленькой, никому не известной речонке. Пусть океан был суров, качал меня на волнах, но чувство большой воды – ни с чем не сравнимое после барахтанья на мелководье.

– Ксюшка, собака у тебя офигенная, талантливая! Она тащит все эти твои непонятные броски! Для шоу-овчарки вообще крутяк. Но с тобой просто поле непаханое. – Катя выглядела не на шутку усталой. – Иди, побросай пока с Сергеем!

Я молча смотрела на нее. Тогда Катя добавила:

– Мне надо отдохнуть, со своей собакой позаниматься уже, вон он у дерева скучает.

Первый раз я испытала возмущение. То есть как: я должна скучно перебрасываться с тем дядькой, когда можно было бы бросать и бросать диск талантливой собаке, чтобы все видели и восхищались? Но дядька, тогда еще только будущий фризби-гуру всея Руси, уже безапелляционно помахал мне диском.

– Ксюша, что будешь бросать – Челюсти или Стандарт?

Этот не в меру странный для непосвященного человека вопрос очень быстро стал рядовым вопросом в моей жизни. А тренер Сергей – тем человеком, который буквально вылепил из нас с Радкой чемпионов. Но ладно это – своим примером он возвел нашу и так сильную любовь к фризби в десятую степень.

Иногда мне становится даже страшно от осознания того, как повлиял на мою жизнь диск фризби, этот маленький круглый кусок пластика.

Но пока все эти бесчисленные фризби-истории ждали впереди, а мы перебрасывались оранжевыми челюстями, и в целом мире не могло в тот момент быть ничего прекраснее.

– Запомни, не «кидать тарелку», а «бросать диск». Бро-сать диск! – подытожил тренировку Сергей.

## «Вот что значит овчарка!»

Следующим утром, еще под действием вчерашнего фризби-допинга, мы с Радой бодрячком шагали к троллейбусной остановке. С нее начинался наш путь на первое занятие по аджилити – эдакому модному собачьему конкурсу, скоростному преодолению препятствий, которого нам с Радкой не хватало для полного спортивного комплекта.

– Девушка, не мучьте собаку!

Оторвав взгляд от окна, я в замешательстве покрутила головой. Рада мирно лежала у меня в ногах. «Наверное, не мне... хотя здесь же нет других собак».

– Девушка! Не мучьте собаку, говорим! – несколько пенсионерок на этот раз приподнялись на своих сиденьях, тем самым лучше обозначая себя. Остальные пассажиры согласно закивали.

Я искренне не понимала, в чем дело. Может, я должна была идти с собакой пешком? Или уступить ей свое место? Или же она слишком худая на взгляд пассажиров? Или?..

– Девушка, давайте, снимайте с нее намордник, мы видим, что собака послушная у вас! – на меня были обращены не на шутку возмущенные взгляды. Я ужасно удивилась, но от греха подальше не стала спорить и послушалась социума. За те годы, что мы ездили с Радой в общественном транспорте, мне предстояло выслушать и увидеть многое. Но в основном, как и сейчас, преобладала одна или другая крайность.

Мы с Радой уже успели познать безнамордниковый дзен, но тут в салон троллейбуса, словно петух в курятник, лихо впорхнул парень-контролер.

– Билет? Угу!

– Билет? Угу!

– Билет? Угу!

Контролер бесстрастно, шаг за шагом, пассажир за пассажиром, продвигался в нашу сторону. Я же безуспешно пыталась отцепить от сумки запутавшийся в длинном ремешке намордник. Перед глазами всплывали страшные картины, как нас высаживают посреди пути и мы не попадаем на нашу самую первую тренировку по аджилити.

Наконец контролер достиг места нашей с Радой дислокации, а именно – высоких сидений в хвосте троллейбуса. Я, не поднимая глаз, отчаянно и вместе с тем безуспешно боролась с ремешком сумки, не чая уже отцепить этот чертов намордник. Хотя, чего уж там, все равно грешок давно зафиксирован, как ни крути. И как ни крути намордник.

– Девушка?

Я сопела и ломала ногти об узел, но не поднимала глаз.

– Девушка, добрый день. Будьте любезны предъявить ваш проездной документ!

Признаться честно, я чуть не подпрыгнула на сиденье от неожиданности: «Все, пиши пропало, сейчас случится что-то страшное... в милицию точно заберут».

Как назло, троллейбус как раз подъезжал к остановке.

Все так же не смотря на контролера, я нащупала в кармашке проездной и молча протянула куда-то вперед.

– Девушка, спасибо большое, все в порядке! – пропел он и вышел, крутанувшись на поручне. Я так и проехала остаток пути с проездным в одной руке и с намордником в другой. Коварный намордник отцепился от злополучного ремешка сразу же по окончании проверки.

На площадке нас встретили без энтузиазма – чувствовался ощутимый контраст с рукопашкой и фризби. Предвзято смотрели по большей части на Радку. К тому времени мир аджилити, в отличие от фризби, уже захватили бордер колли и бельгийские овчарки, и на их фоне Рада смотрелась не только экзотично, но и в некоторой степени бесперспективно. Немногим

хотелось, чтобы «здоровая овчарка» занимала эфирное время. Против меня, наоборот, ничего не имели – ведь я помогала таскать тяжелые снаряды и в целом держалась достаточно скромно.

Когда подошла наша с Радой очередь, нам предложили попрыгать связку из барьеров и пройти «дошкольный» вариант слалом. Слалом – дюжина палок, воткнутых друг за другом в рядок, собаке нужно преодолеть их «змейкой» с максимально возможной скоростью. На этапе обучения он выглядит как шалашик, стенки которого постепенно спрямляются по мере развития навыка. Обычно на «шалашик» закладывается порядка месяца, но уже к концу тренировки я, бесстыдно игнорируя недовольство тренеров, выпрямила палки. И не просто выпрямила, а добавила к ним два барьера, точно почувствовав, что Рада сможет.

– Вот что значит овчарка! – с нескрываемым восхищением воскликнула тренер Ольга, забыв разом свое недовольство. – Смотрите, смотрите, как в слаломе задницей крутит – умора! – Ольга первая поняла, что Рада не так проста, как кажется. Но тренеру не суждено было расслабиться надолго.

Рада сообразила, что сейчас ее персона в центре внимания, и бодро направилась к снаряду «качели», стоявшему неподалеку. Прежде чем я успела произнести хоть слово, Рада взбежала на самую вершину доски с такой скоростью, что на пару секунд зависла в воздухе. Но все хорошее когда-то кончается: доска начала резко опускаться под Радой, и собачкино самолюбование сменилось впечатляющим прыжком ужаленной газели. Благополучно оказавшись на земле, Рада пребывала в настоящей эйфории от своей сказочной крутизны; я же в это время получала не слишком сказочный выговор от Ольги.

– Я понимаю, дорвались, но больше так не делайте!

Тем не менее меня с Радой приняли в местную компанию, заметив в нас определенные перспективы. Теперь тренера больше волновали не столько Радины параметры, не слишком подходящие для аджилити, сколько наша дисциплина. Над этим я пообещала планомерно работать.

Этот рассказ я хотела бы закончить иллюстрацией неисповедимых путей Господних.

Но для этого нужно сначала перенестись почти на десять лет назад.

Мы с мамой бурно аплодировали молодой девушке с черно-белой дворняжкой. Последняя показывала казавшиеся нам невероятными цирковые номера на маленькой сцене Дарвиновского музея.

– И как хозяйка его так научила? Фантастика! – тогда такие трюки, как хождение на задних лапах или собачий устный счет, были окутаны даже большим ореолом таинственности, чем, к примеру, пресловутое разрезание человека.

Я улыбалась во весь свой беззубый рот второклашки и даже не смела подумать, что когда-нибудь у меня появится собака. А уж чтобы она умела так же...

За годы та волшебная парочка постепенно стерлась из памяти, но этому воспоминанию не суждено было кануть в небытие.

– Тренер Катя? Так это же та девушка, которая выступала в музее, помнишь? – маме с ее феноменальной памятью на лица стоило лишь разок взглянуть на фото с тренировки по фризби, где на заднем плане Катя крутила в воздухе своего песика, вцепившегося в диск. Песик, кстати, уже был другой, но похожий на первого, дожившего до преклонных лет.

Спустя годы после того выступления именно Катя заложила первый камень дог-фризби в нашей стране. А уж о том, как этот спорт повлиял на девочку, замершую от восторга во втором ряду зала Дарвиновского музея, и ее будущую собаку – почти вся эта книга.

Но и на этом чудеса не заканчиваются. Весной 2006 года мы с мамой и Радой почти каждый вечер гуляли в нашем любимом парке. Два раза в неделю в это же самое время на поляне собиралась группа ребят и под руководством тренера отрабатывала различные мудреные элементы самообороны. Тогда еще оставалось достаточно много времени до Надькиного самозабвенного хвастовства по поводу ее тренировок и любезного обучения меня «паре при-

емов». Просто мне очень нравилось не только то, что делали ребята, но и они сами. Неизменно поражало, что «драка» может быть настолько красивой и, главное, беззлобной.

Я на цыпочках стояла на тропинке, комкая Радин поводок, и разинув рот наблюдала за этим не по-детски манящим процессом. Парни шутили и смеялись, передавали по кругу бутылку воды, а потом из нее же брызгали друг в друга.

– Ну подойди, – каждый раз предлагала мама.

– Н-нет, – в ста процентах случаев сруливала я под предлогом того, что Рада якобы просит мячик. Бросив мячик далеко вперед по дорожке, я всегда хотя бы разок оборачивалась назад с шемящей, ноющей в районе солнечного сплетения тоской.

Год спустя Рада стояла на все той же дорожке и наблюдала за все той же компанией ребят, только уже с двойным интересом. Единственная разница заключалась в том, что теперь в этой компании мелькала ее хозяйка.

Осенью прошлого года под впечатлением от Надькиных рассказов я ввела в интернете запрос: «Курсы самообороны в Москве». Не было никакой территориальной привязки; набирая номера телефонов, я даже не знала, в какой точно район звоню. Интернет выдал мне всего три похожих на правду варианта. По одному номеру так никто и не взял трубку, по другому мне сказали, что их курсы перестали существовать еще с лета. Зато по третьему номеру зазвучал бодрый, приветливый и в целом очень располагающий мужской голос: «Конечно приходите! У нас занимаются и парни, и девушки. Будем ждать!»

И ничего, что единственная постоянная девушка в коллективе прекратила занятия аккуратно перед моим приходом. Зато какое удивление я испытала, когда спустя полгода Миша сказал: «На улице тепло, со следующей недели возобновляем наши традиционные занятия в парке. Вход от круга на улице N». Да, в отличие от мамы, у меня отвратительная память на лица.

Мама приходила забирать меня с тренировки с Радой и полной сумкой фризби-дисков. Радка выхватывала из сумки парочку и со всех лап вбегала с ними в круг рукопашников, в котором мы обсуждали итоги тренировки. Ребята расходились уже под первые аккорды фризби-фристайла на соседней поляне, приветствуя маму и останавливаясь на пару минут понаблюдать. Иногда диск, а затем и овчарка пролетали в опасной близости, но никто не показывал вида, что в такие моменты вся жизнь также проносилась перед глазами.

В эту минуту мне звонила тренер Ольга уточнить время нашего завтрашнего приезда на аджилити. Разговаривая по телефону, я наливала Раде немного воды в диск фризби. Пазл сошелся. На создание такой комбинации был способен только предыдущий, 2006 год. Год собаки.

Но это жизнь, и даже в подобной целостной картине всегда найдутся свои сложности и подводные камни. Но именно на контрасте с ними моменты маленьких и больших побед приобретают особую сладость.



## Иногда и в нормальной семье рождается кинолог

В конце осени я выполнила давний завет Защитника и пошла на кинологические курсы. По тем временам я стала самой юной студенткой подобных курсов в Москве. На курсах также скучать не пришлось, особенно когда нам закончили читать скучные нормативы. Больше других мне запомнились уроки с Петром Владимировичем Г., инструктором по дрессировке со стажем из серии «столько не живут», автором нескольких книг: он вел у нас теорию дрессировки.

Свои лекции он читал довольно бодро, периодически поднимая глаза от записей и обводя стол пыливо-лукавым взглядом, был не прочь поговорить на злободневные темы и посмеяться вместе с учениками. Конечно, с некоторыми его суждениями я внутренне не соглашалась, как и другие дрессировщики, предпочитающие более прогрессивные методы, но ведь наше учебное дело – не только слушать и запоминать, но и фильтровать.

Как и любой преподаватель, Петр Владимирович любил рассказать о случаях из своей практики. Особого уважения заслуживает полное избавление собаки от страха перед громкими звуками. Однако, увлекшись, он вполне мог вставить фразу, такую как, к примеру, «когда мы все были тараканами...», от чего я в беззвучной истерике сползала под стол. В один такой раз я даже застряла между столом и скамейкой, так что двум моим соседям пришлось вытаскивать меня оттуда за шиворот.

Дабы развлечь своих учеников, Петр Владимирович периодически зачитывал нам выдержки из некой советской книги по дрессировке собак. Например, чтобы отучить собаку гоняться за машинами, в этом шедевре кинологической литературы предлагался следующий совет: «Попросите двух ваших знакомых сесть в машину – одного за руль, второго – на переднее пассажирское сиденье. Как только машина начнет двигаться и собака погонится за ней, ваш помощник должен открыть дверцу и бросить в собаку Большой советский энциклопедический словарь».

Вот оно что! Очевидно, только в данном издании содержится оптимальное количество страниц для решения подобной поведенческой проблемы.

Наш преподаватель старался быть в курсе и новейших методов дрессировки, а потому посвятил пару лекций модному кликер-тренингу. Конечно, видел он его несколько по-своему, но это ему вполне прощалось, ведь целых два занятия мы играли в очень веселую игру «сформируй поведение однокашника с помощью кликера».

Человек, играющий собаку, выходил за дверь и мерз там, а остальные тем временем старательно придумывали ему задание, часто довольно креативное.

Как-то мне выпало «подрессировать» Илью – коллегу не только по курсам, но еще и по фризби. Мы с Петром Владимировичем договорились, что Илья должен будет подойти к студентке Лене, сидящей в пальто, и надеть на нее капюшон – милое задание.

– Можно! – крикнул Петр Владимирович, и Илья вошел обратно в домик, хищно озираясь по сторонам.

Я кликнула ему за шаг в помещение. Илья помялся секунду, оценивая обстановку; сделал еще шаг. Щелчка нет. Тогда шаг был сделан в другую сторону. Щелчок. С самодовольной улыбкой и виляя воображаемым хвостом, Илья продвигался все дальше по комнате в нужную сторону, а я готовилась праздновать идеально выполненное упражнение. Периодически Илья останавливался и с надеждой подходил к сидящим за столом коллегам, вызывая у них хихиканье. Но поняв, что щелчка это не сулит, шел дальше. Я щелкнула ему за очередной шаг в правильную сторону, когда Илья проходил мимо большого настенного календаря. И кто бы мог подумать, что в этот момент нашего подопытного не по-детски переклинт! Повернувшись к календарю, на который он даже не смотрел во время щелчка, Илья принялся его разглядывать,

почесывая затылок. Я опустила руку с кликером, ожидая, что «собачка» скоро поймет, что календарь тут ни при чем, и двинется дальше. Но в мозгу Ильи щелчок прочно связался не с шагом около календаря, а с самим календарем. Вот ведь превратности судьбы.

Что тут началось! Желая отгадать наши коварные замыслы и заработать этот чертов щелчок, Илья начал демонстрировать невиданное разнообразие поведения. Он дотрагивался до собак на календаре, делал вид, что дразнит их, закрывал картинки руками, показывал по очереди на каждый месяц года, прислонялся к календарю, терся об него, изображал дрессировщиков с календаря, лаял на календарь и так далее. Наш класс тем временем просто лежал. Я рыдала, сжимая кликер одной рукой и вытирая слезы другой, а Илья даже и не думал сдаваться, сохраняя хладнокровную решительность.

Соображая, что бы еще такого сделать, он случайно еле заметно шагнул в нужную сторону, что я, к счастью, успела подловить. Дальнейшие события развились за какие-то секунды: Илья сделал несколько шагов, остановился у нужной девушки и под бешеные аплодисменты коллег и мой финальный щелчок надел на нее заветный капюшон. Петр Владимирович досрочно объявил перерыв.

## ОтЧАЙный сервис

Уже около полугода мы с Радой занимались послушанием с кликером. Кликер выступил шлифовальной машиной для нашего и так неплохого ОКД, и Рада стала частенько уходить с соревнований с полным баллом. Канули в Лету и те веселые времена, когда Рада, уже уверенно шедшая на победу, вдруг начинала копать землю или лаять в небо на упражнении «Комплекс на расстоянии» (при этом не забывая выполнять требуемые смены положения). Интересно то, что, самозабвенно занятая подобным творчеством, Рада избегала смотреть мне в лицо. Именно это и выдавало ее злонамеренность больше всего.

Но теперь настали другие времена, поблескивающие самоварным золотом кубков и медалей. Именно в такой «наш» день нам и подарили чайный фарфоровый сервиз – он полагался собаке-победителю в случае, если та финиширует со ста баллами. Кто знал, какой драмой это обернется!

По дороге к метро я радовалась – вон сколько собак идет вместе с нами, не одни будем пробиваться сквозь турникеты. Однако в какой-то момент собачки, как заговоренные, стали одна за другой сворачивать к своим машинам. До метро мы с Радой дошли уже в гордом одиночестве. В этом сквозила какая-то несправедливость – лучшая собака сегодняшнего дня едет домой в наихудших условиях. Сервиз тихонечко бренчал в пакете, мол, ну зато у вас есть я.

Надев собаке намордник, я отработанной уверенной походкой последовала внутрь.

Но не тут-то было: наша милиция нас бережет. Ну, или всех, кроме нас: мы милиции не понравились, и она приняла немедленное решение вытурить из подземки девочку с собакой и тяжелой сумкой.

– Девушка, стойте! – и пронзительный свист, будто вливающийся в мозг через уши.

Я даже хотела заткнуть их, но тут опомнилась: свободных рук нет. Пришлось решать вопрос радикально. Тем более что у меня не было ни денег на такси, ни возможности доехать до дома на наземном транспорте, а телефон разрядился на морозе.

Не медля ни секунды, я бросилась бегом по длинному неработающему эскалатору, наводя вокруг ужас громоханием сервиза и стараясь не отставать от Радки. Пассажиры, ставшие свидетелями погони, столько же путались, сколько затем радовались не в меру экзотичному экшну: «Овчарка, девка, два мента» – на ваших экранах в высоком качестве!

– Стоять! А ну стой! – враждебность милиции возматывала прямо пропорционально нашему с Радой ускорению. Ничто не предвещало таких масштабов.

Милиционеры тем временем будто бы множились делением прямо на эскалаторе. Вот их было двое, а тут уже четверо.

– Стой, зараза! – особенно отличалась молодая милиционерша, и я действительно чуть не остановилась. Чтобы спросить: а почему, собственно, такая метафора? И вообще, у меня собака на поводке и в наморднике. Ничего святого для них нет!

Пытаясь общими с Радой усилиями унести ноги от этой обезумевшей стаи охотничьих псов, я грешным делом чувствовала себя рискованной травоядной, которого тащит за собой на веревочке крайне целеустремленный волк. Так себе чувство, хочу сказать: где-то в районе солнечного сплетения противно жжет, а через позвоночник бежит электрический ток.

Нам оставалось метров двадцать эскалатора, когда распахнул двери прибывший на платформу поезд. Милиционеры уже нагоняли нас во главе со своей гончей.

– Стой, стой, сто-о-ой! – она вся аж тряслась от вида такой желанной добычи.

– Рада, вперед! Давай, давай, давай! – моей любительнице открытых дверей дважды повторять не пришлось.

– Осторожно, двери закрываются! – вещал приятный, спокойный голос диктора, контрастировавший с криками героев боевичка. Он звучал вкрадчиво и примирительно, будто бы призывая: ребята, не ссорьтесь, давайте жить дружно.

– Стой, стерва! – репертуар гончей не отличался разнообразием.

Я теперь, как в замедленной съемке, видела только двери поезда, уже закрывающиеся прямо перед нами. Волей-неволей осознаешь исключительную силу времени – всего одна секунда, такая маленькая и невидимая, решала все. Будет ли на платформе холивар с милицией или же мы окажемся на мягком сиденье в тишине вагона.

Легкий удар по спине выдернул меня из транса, в который я вошла на бегу под монотонное брнчание сервиза. Рада вела меня к свободному месту в вагоне. В тихом полупустом вагоне. В завораживающе тихом вагоне.

Тот самый толчок пришелся на спину как раз от закрывающейся по касательной двери. Поезд поехал; на дверь прыгала обезумевшая милиционерша, а ее коллеги пытались отдышаться, согнувшись пополам и опершись руками в колени.

И точно в ту секунду, когда я облегченно плюхнулась на свободное место, у пакета с многострадальным сервизом оторвалось дно. Все чашки, блюдца и вазочки высыпались из раскрывшейся коробки на мягкое сиденье. По всей видимости, пакет не выдержал нервного напряжения. Но ведь держался буквально до последнего!

Я не спешила собирать чашки; вместо этого гладила Радку. Ведь я бежала ради нее – кто знает, чем могла обернуться для собаки близкая встреча со столь радикально – что выяснилось уже в процессе – настроенными милиционерами. А в итоге она и затащила меня в вагон, выиграв решающую секунду и вытянув из закрывающихся дверей.

Этот сервиз до сих пор стоит в шкафу, и каждый раз, доставая его, я мысленно благодарю Радку. Нет, не за сто баллов на соревнованиях. А за сто баллов верности и сто километров в час скорости на эскалаторе.

## Цель – такая цель

На тренировках по аджилити того периода мы с Радой в основном боролись с контактными зонами – каждая по-своему. Я клала кусочек линолеума, на который Радка была предварительно научена наступать, в конце спуска со снаряда, и кричала: «Цель, цель, цель!» Рада вставала на «цель» передними лапами, при этом попадая задними лапами точно в зону. Освоив упражнение на горизонтально лежащем снаряде, мы переходили к работе «по-взрослому», постепенно увеличивая угол доски и скорость. Рада делала большие успехи.

Часто мне везло пересечься на тренировке с тетей Леной – чемпионкой мира по аджилити, которая охотно делилась своими знаниями. Мы подкорректировали мой стиль бега по трассе, Радины зоны, и я сама стала чувствовать себя среди снарядов более уверенно.

Вдохновленная успехами, в радостном предвкушении я записалась на соревнования. Я никак не думала, что там меня поджидает дурная компания: разочарование, досада и обида. Рада перепрыгнула все зоны, которые только можно (на самом деле нельзя). Я добегала трассы до конца, все еще на что-то надеясь, но с тем же успехом можно было вообще не приходить. Самым обидным казалось даже не то, что собака разом выбросила из головы все тренировки, все мои многомесячные труды, а то, что я встала ни свет ни заря, дотащила собаку на другой конец Москвы на двух видах транспорта – и на тебе. Потом еще и обратно пилить, да с мерзким настроением вдобавок. Апогей – подходишь к неработающему эскалатору, перегороженному доской, а она... примотана проволокой. Вахтерша кричит: «Девушка! Вы куда?! Нет, вы что делаете?!» А ты всего-то отмотала проволоку с одного края и протискиваешься с собакой в образовавшуюся щелку. «Девушка, вы что, совсем?!» «Да, совсем», – раз уж в нас полностью разочаровались, с этими словами я просто перемахиваю через доску и поминай как звали.

После очередных соревнований негативный эмоциональный фон достиг таких высоких значений, что хотелось бросить на фиг это аджилити, и все. Но мой характер не дал бы этого сделать, даже если бы я очень захотела – вот засада!

Пришлось рассудить логически. На тренировках Рада работает идеально, даже без заветных квадратиков. Значит, дело в ее состоянии на соревнованиях. Там она не только перевозбуждается, но и чувствует полную безнаказанность, ведь даже при несделанных зонах она все равно бежит дальше. Возможно, играло роль и мое волнение, которое почти неизбежно испытывает каждый спортсмен.

Настал черед радикальных мер. Мне пришлось тяжело, ведь переться на другой конец Москвы, чтобы пробежать вне зачета, – специфическая мотивация. Но выбора не оставалось. Сначала я записала Радку вне зачета и разложила «цели» у всех зональных снарядов. Собачка уже готовилась сигануть с горки в бреющем полете, но тут заметила знакомый коричневый квадратик. И какое же удивление она испытала в этот момент!

– Э, мы ж вроде соревновались еще секунду назад? – спросила Рада, замерев на зоне.

– Да, Радочка, я подложила тебе свинью, да. А что, у меня этих «свиней» тоже много!

Рада так впечатлилась, что, пройдя бум, пыталась «примишниться» не только к пресловутому линолеуму, но и к табличке с номером снаряда.

Спустя несколько соревнований Рада четко усвоила, что «цель» бывает не только на тренировках. А потому я начала пробовать потихоньку убирать заветные квадратики через один, через два... Собака обрадовалась: «Фух, пронесло», – и стала вновь прыгать зоны – тоже через одну. Но у меня в запасе была еще одна «свинья»: в этом случае я стала снимать собаку с соревнований, останавливая ее полет под названием «Хочу – через зоны скачу» и переделывая упражнение на снаряде заново. Уж очень Раде не нравилось быть остановленной на пике азарта. И вот этот дуэт мер выстрелил!

С тех пор Рада не пропустила ни одной зоны, а проблема стала казаться такой странной и далекой! Вывод прост: в дрессировке нужно терпение, планомерный подход и способность логически мыслить.

– Ну, ты просто герой, – сказали мне как-то тетеньки-аджилитистки, когда мы пережидали дождь в сарайчике для снарядов на площадке. – С другого конца Москвы ехать на метро, чтобы потом снимать собаку, – это ведь какая сила воли нужна.

В тот день мы с Радой участвовали в очередном Гран-при. Во все классы записалось очень много народу, приехали спортсмены и из других городов. Рада была настроена по-боевому, беспрестанно выпрашивала у меня мячик и так и норовила под шумок перепрыгнуть лишний раз тренировочные барьеры.

На разминке мы вместе с тетей Леной походили по трассе и обсудили, как я буду вести себя в наиболее заковыристых местах. Осталось только все это воспроизвести – ведь одно дело понять головой, и совсем другое – телом, да еще и на скорости, когда рядом скачет бесноватая собачка.

И вот он, наш старт. Рада была готова воспламенить взглядом деревянные снаряды. По сигналу моей поднятой руки она рванула вперед. Несколько косо расположенных барьеров, требующих предельной концентрации и контроля за жестами и положением тела, вход в сла-лом, перестроение вне зоны видимости собаки, туннель, секунда на смену руки и приход в единственно нужную точку на трассе, вход на бум с контролем зоны, контроль сходной зоны, барьеры... Спустя полминуты единого порыва, в котором ты чувствуешь каждое движение собаки и вы действуете как единый организм, что уже само по себе – восхитительное ощущение, Рада преодолела последний барьер под всеобщие аплодисменты. Мы стали первыми, обыграв восемнадцать собак и обогнав по скорости даже бельгийских овчарок.

Чисто. Выполнены все зоны. Быстро. Слаженно. Это была наша с Радой общая огромная победа – может, не такая уж и большая в масштабах мирового спорта, но очень значимая именно для нашего тандема.

По пути домой Рада возомнила себя королевишной и схватила на радостях кусок какой-то дряни, который в лучшие времена был кошкой или еще кем-то из царства животных. Схватила – и смотрит на меня! Я гортанно взвыла, после чего сомнительное лакомство как-то само выпало из Радиной пасти, и собака, покрутив лапой у виска, потрусила за мной. Сегодня ей прощалось все.

## Собака под партой

На излете мая подошли к концу наши кинологические курсы. Весь месяц мы в основном повторяли скучные нормативы различных видов дрессировки, но Радка, которую я брала с собой, скрасила эти занятия. Пока мы грызли гранит кинологической науки, она мирно спала под столом. А в перерыве мы с ней, конечно же, играли во фризби, иногда успевая пробежать и трассу-другую аджилити. Заодно наш тренер по фризби Сергей, мой однокашник на курсах, наконец-то получил возможность поставить опыт, позволивший узнать истинные предпочтения Рады. Во время нашего с собакой забега по трассе Сергей смачно игрался в диск неподалеку. Рада оборачивалась-оборачивалась, затем, не выдержав, отняла у своего тренера любимую игрушку и только после этого вернулась ко мне, перепрыгнув барьер с диском в зубах. Конечно, фризби – любовь всей Радиной жизни, хотя и аджилити она обожала.

В день экзамена я углубилась в свои тетрадки, затем с чистой совестью поехала на площадку. Экзамен принимал Петр Владимирович и дяденька «Извинитепожалуйста», читавший нормативы. Я быстро нацарапала что-то на листочке и принялась дожидаться своей очереди.

– Ну-с, Ксения, расскажите мне о латентном научении, – сказал Петр Владимирович, скрупулезно прочитав содержимое моего билета.

Выслушав меня, он продолжил:

– А теперь второй вопрос: методы и способы дрессировки.

У меня в глазах блеснул адский огонек, я набрала побольше воздуха в легкие и вдохновенно начала рассказывать.

– Все, хорошо, вижу, что вы это отлично знаете. Я ставлю вам пятерку.

– Ой, да я же только начала! Ну, можно еще расскажу? Там столько всего интересного! – не на шутку забеспокоилась я.

Петр Владимирович с опаской посмотрел на меня, затем вздохнул и поправил очки:

– Ну... хорошо, продолжайте.

Я хрюкнула от удовольствия и с двойным вдохновением продолжила свое повествование. Никогда даже близко не походила на заучку, скорее наоборот, но тут мне действительно было что сказать.

– Просто замечательно. Ну, можете идти.

Я затравленно посмотрела на своего преподавателя. Он, в свою очередь, на меня – не менее затравленно.

– Пятерка у вас! Идите, погуляйте пока.

– А... я... там такой интересный момент... даже жалко упустить его из виду.

Петр Владимирович нервно хихикнул, затем мягко улыбнулся.

– Я вижу, что вы знаете.

– Да не в этом дело, – поникла я.

Петр Владимирович хлопнул меня по плечу и поскорее объявил следующего экзаменуемого.

И я, и Серега, и Илья сдали экзамены на «отлично». Теперь нас ждал праздничный шашлык и новые свершения на кинологическом поприще.

## **Кот-диабетик, или Продай дом – вылечи киску!**

Сквозь занавеску тускло просвечивала скрюченная фигурка нашего кота Макса. По возвращении домой с традиционного ночного моциона Макс с потухшим взглядом проследовал мимо мисочки, наполненной свежим мясом, на окно. Там он моментально ушел в себя, застыв на подоконнике, словно вопросительный знак.

Мы с мамой тихо отодвинули занавеску, но вместо обычных приветствий кот лишь вполоборота равнодушно поглядел в нашу сторону. Я провела рукой по его шерсти, которая топорщилась, как иголки дикобраза. Чуть приглаженная моей рукой, она сразу же взъерошилась вновь. Но и без этого косвенного признака повышенной температуры нос кота был таким горячим, словно готов вот-вот вспыхнуть маленьким огоньком.

Стоило только нам засобиаться в ветклинику, как кот волшебным образом очнулся и молниеносно прошмыгнул на улицу. Это была не слишком хорошая идея: я никогда не слышала о способности соседского сырого подвала, полного всякого хлама, оказывать жаропонижающее и вообще какое бы то ни было целебное действие.

Мы ждали Максима целый день и целую ночь, с каждой попыткой дозваться все сильнее убеждаясь в том, что утром видели его в последний раз. Нет, мы еще не плакали, но уже прочно засело в сознании и давило изнутри на виски чувство потери чего-то очень привычного, родного, того, без чего невозможен прежний принятый уклад. Я провела с Масей большую часть своей сознательной жизни и воспринимала его как нечто неотъемлемое, как члена семьи и бессменного домового. А временами, что греха таить, и как предмет мебели вроде старого серванта, который черт знает сколько уже стоял, и сейчас стоит, и еще будет стоять.

Так мы и ходили будто в воду опущенные, боясь полностью осознать происходящее, когда вечером беглый домовой приполз обратно и, обведя нас мутным взглядом, проследовал на подоконник. Мы с мамой, обрадованные, схватили его в охапку и поспешили к автобусной остановке.



## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.